

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

повесть

мужество

отвага

честь

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”

1966

Оцифровка

dominas

2015

P2
Л47

...Скорый поезд уже стоял у перрона. Мы подошли к мягкому вагону.

Я предъявил свой литер.

— Героя везешь! — сказал проводнику Георгий. — Головой отвечаешь!

— Будет, Георгий... — сказал я.

— Затем стесняешься? Сегодня о тебе уже министр знает, а завтра, вполне возможно, вся страна услышит!

Проводник с сомнением смотрел на меня, А я сейчас хотел только одного — скорей уехать, скорей!

Больше всего боялся, что Георгий снова спросит меня о Люсе и все-таки то и дело оглядывался на вокзал, надеясь, что она выйдет на перрон.

— Ну! — Георгий крепко стиснул меня своими ручищами. — Будь здоров, генацвале! Приезжай, всегда дорогим гостем будешь!

Поезд тронулся.

— Попрошу подняться! — сказал проводник.

Я вскочил на подножку, запнувшись о ступеньку.

— Аккуратней, молодой человек! — укоризненно произнес проводник. — Пройдите в вагон.

Я прошел. Мне не хотелось стоять в дверях на виду всего перрона.

Коридор вагона был пуст. Все спали. Неслышно подошел проводник.

— В пятом купе нижнее место свободно. Сейчас постелю...

— Нет, — сказал я. — Зачем же... Мне ведь только до следующей станции...

— Как хотите. Если что надо, кликнете.

Проводник скрылся в служебном купе.

Перрон опустел. Только Георгий все еще стоял с приветственно поднятой рукой.

Вдруг я увидел Люсю.

Она выскочила из здания вокзала, огляделась по сторонам и кинулась к Георгию.

Я видел, как он махнул рукой вслед моему вагону.

Люся бросилась за поездом. Ей было очень неудобно бежать на высоких каблуках-шпильках.

Она все-таки нагнала мой вагон.

Я отодвинулся от окна, прежде чем она успела заметить меня.

Поезд шел все быстрее. Перрон остался позади.

Я сел на откидную скамеечку у окна. В вагоне было тихо. Хорошо, что все спали. Я сидел совсем один.

Мне было скверно. Так скверно мне еще никогда не было в жизни.

Поезд, набирая ход, шел по эстакаде, нависшей над кварталами города. В окнах домов горели редкие огни.

Даже не верилось, что все это случилось именно здесь, всего несколько часов назад...

Когда Олег утром открывает глаза, на него смотрит атлант. Руки атланта скрещены над склоненной головой. Он подпирает потолок.

Дому, где живет Олег, наверное, лет сто пятьдесят. До революции в нем жил не то князь, не то графиня какая-то.

Комната Олега — часть бывшего парадного зала. И потолки там не то что в новых домах — метра четыре с половиной в высоту. По стенам стоят атланты, шесть штук. Три с одной стороны, три с другой. Раньше их было восемь, но зал разгородили, и один затерялся в узком коридорчике, а другой оказался как раз там, где прошла перегородка двух комнатушек соседей, и его просто срубили со стены. А у Олега в комнате остались.

И еще в его комнате мраморный камин у стены. Говорят, перед ним Пушкин когда-то свои стихи читал. Только Олег этому не верит. Стал бы Пушкин к князьям ходить свои стихи читать. Он же высший свет ненавидел.

Камин давно не топят. Он обит изнутри листовым железом и покрашен масляной краской. В детстве там была у Олега пещера. Он с приятелями в ней целыми днями играл. А теперь Олегу даже странно, как они там умещались.

И атланты, пожалуй, стали поменьше. Но по утрам один из них, склонив голову, по-прежнему смотрит на него.

Сегодня, когда Олег проснулся, в кудрявых волосах атланта было солнце. И глядел он на Олега с укором.

Олег даже подскочил па тахте. Проспал! Солнце в комнате бывает около двенадцати, а в школу к девяти...

И тут же вспомнил. Не надо ему в школу идти.

Над камином вот уже два года висит большая карта Африки. На ней слева, недалеко от экватора, Олег поставил крестик. Там его отец. Он строит железную дорогу.

Письма от отца приходят часто, но Олег слышит, как мама вздыхает по ночам.

Они могли поехать все вместе в Африку, но мать не согласилась. Боялась африканской жары, тропических болезней.

Как Олег ни умолял ее, она наотрез отказалась ехать. Говорила, что у нее больное сердце. Отец почему-то молчал. И Олег с матерью остались.

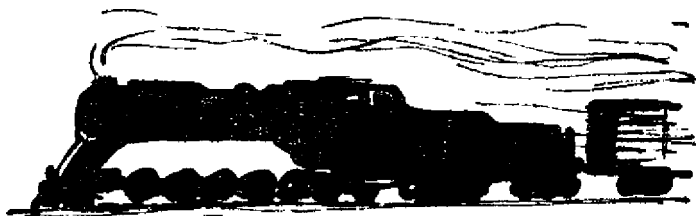
А через год в жизни Олега произошли очень неприятные перемены. Все как-то постепенно случилось.

В седьмом классе они организовали «Клуб вольных сачков». Сокращенно «КВС».

Началось с пустяков. Убегали с черчения и физкультуры. Зимой, когда морозы, соберутся у школы и ждут, какую по радио объявят температуру. Если двадцать четыре градуса, то все на занятия, а Олег и компания в кино: детям в школу идти нельзя.

Уроки по очереди делали. Один решит задачи, а все другие «вольные сачки» у него списывают. В общем максимально облегчали себе жизнь.

Учиться Олег, конечно, стал хуже, но седьмой класс кое-как дотянул. Мать только ужасалась его отметкам и обсуждала с соседями, как быть с ним в «переходный возраст».

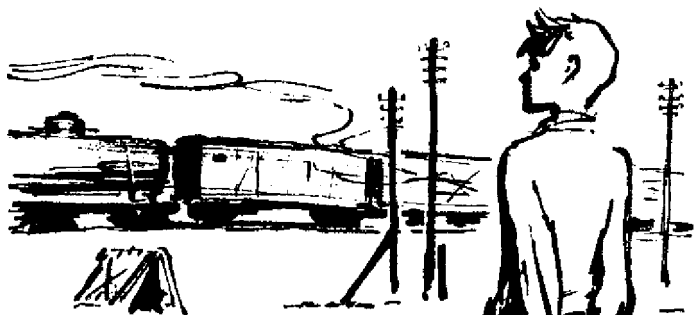
Конечно, при отце этого бы не случилось, а матери Олег не боялся. Знал, что она покричит, пошумит, но быстро отойдет. Отец, тот совсем другое дело...

Потом старую школу сломали, и в восьмом классе часть ребят перевели в другую — образцовую имени Н. В. Гоголя. Олега с его тройками взяли туда неохотно. Матери пришлось ходить к директору, упрашивать. Директор говорил о высокой чести учиться в школе, носящей имя великого писателя, как будто Н. В. Гоголь был круглый отличник.

В новой школе порядки были строгие. «КВС» распался. Ребята налегли на учебу. Многие после восьмого класса собирались в техникумы.

А у Олега никак не получалось. Он очень много пропустил в седьмом классе и теперь на уроках часто не понимал. Класс был сильный, ребята почти все незнакомые, спрашивать он стеснялся.

Первое время Олег еще пытался разобраться сам дома, а потом махнул рукой. На уроках, когда

вызывали, отвечал не-
впопад под дружный
смех класса.

Он снова стал про-
гуливать. Утром брал
портфель и уходил из
Дому.

Город небольшой, на
улицах легко можно
встретить знакомых, и
Олег шел к железной
дороге.

В стороне от стан-
ции ложился в пахну-
щую нефтью пожухлую
траву полосы отчужде-
ния и часами смотрел
на проходящие мимо
поезда.

Олег завидовал лю-
дям, едущим в них.

Не только пассажирам классных вагонов, но и машинистам товарных поездов, и кондукторам, и проводникам экспрессов. Ему хотелось ехать с ними, слушать стук колес и ждать, когда покажутся неизвестные города.

Иногда он забирался на пустой стадион и смотрел, как тренируются спортсмены железнодорожного депо и мелькомбината. Там были ребята немногим старше его, но Олег стеснялся подойти к ним и попросить, чтобы они поставили его в ворота или позволили сыграть в баскетбол.

По вторникам и четвергам на стадионе тренировались легкоатлеты. Среди них выделялся один парень: высокий, худой, с виду даже нескладный. Это был мастер спорта, чемпион области в тройном прыжке, гордость города.

Когда все уходило, чемпион продолжал тренировку. Один, он прыгал снова и снова, и его нескладное тело легко летело над землей, отскакивая, как теннисный мяч от песчаной дорожки.

Однажды он подозвал Олега, дал рулетку и попросил: «Замеряй мой прыжок».

Чемпион прыгал почти на пятнадцать метров. Потом он ушел, а Олег забыл отдать рулетку.

Стадион был пуст. Олег снял школьную тужурку, разбежался и прыгнул, в полете оттолкнувшись еще два раза от земли. Ему казалось, он летит так же легко и свободно, как чемпион.

Потом замерил свой прыжок. Он не дотянул и до восьми метров...

Осенью стало хуже. На кино у Олега деньги бывали редко. Но в конце концов он открыл замечательное место: районный дом санитарного просве-

щения. Там с утра начинались лекции с диапозитивами. Ходили на них в основном пенсионеры.

В маленьком зале было тепло. Олег приходил туда к десяти часам, садился в последний ряд и, вместо того чтобы заниматься алгеброй и химией, слушал лекции о борьбе с бруцеллезом или о том, как предупредить гипертоническую болезнь.

Мать ничего не замечала. Утром он уходил, как всегда. Вечером мать часто дежурила на работе. Она работает на междугородной телефонной станции старшей смены. По телефону ее всегда называют «девушка», и Олег знает, что ей это нравится. Она ведь немолодая — ей тридцать шесть исполнилось.

В школе Олег был «чужой», поэтому им не очень интересовались.

Так он провел зиму, а к весне стало ясно, что экзамены ему не выдержать и придется оставаться в восьмом классе на второй год.

Олег решил не дожидаться неизбежного и сказал, что хочет идти работать на железную дорогу, как отец.

Мать сначала ничего не могла понять, сколько он ни твердил, что ему уже шестнадцать лет, он имеет паспорт и хочет начать трудовую жизнь, а потом пошла в школу, и все выяснилось...

2

...Господи, как я в тот день трусил! У меня просто тряслось все внутри, когда мы шли домой из школы. Сейчас даже смешно вспомнить...

Я ждал грозы. Мама у меня невыдержанная. Но тут она всю дорогу молчала.

Дома нас ждало письмо от отца. Я всегда читаю его письма первым, но на этот раз не посмел взять. Мама разогрела ужин, сама есть не стала.

Письмо пробежала быстро, а не так, как всегда. Обычно она каждое письмо целый день читает.

Я потихоньку взял письмо, вышел на улицу и прочел при свете уличного фонаря.

Отец спрашивал, с какими отметками заканчиваю я восьмой класс, обещал привезти в подарок живого крокодила. Это было похоже на него. Он все думает, что мне тринадцать лет.

Когда я вернулся, мама уже лежала в постели. Свет был погашен. Я тоже лег на свою тахту. Заснуть никак не удавалось.

Свет от проезжавших по улице автомашин скользил по потолку и выхватывал из темноты склоненные, полные напряжения лица атлантов. Они вечно несли свой тяжкий груз.

Я услышал сдержанные всхлипывания. Плакала мама.

Я не посмел встать и подойти к ней. Накрылся с головой одеялом и заткнул уши...

Когда это было? Кажется, прошел целый год.

Потом мы ходили с мамой в депо. Там хорошо знали отца и меня согласились взять учеником слесаря.

Сегодня, как все последние дни, я собрался на работу. Первый раз я пошел в депо в вечернюю смену.

Думал ли я, что буду возвращаться домой в мягком вагоне скорого поезда...

На столе лежала записка: «Обед в холодильнике. Обязательно съешь суп. Не забудь взять костюм из чистки».

Олег вышел умыться и наткнулся на соседку Зинаиду Станиславовну. Раньше она работала методистом во дворце культуры, а теперь на пенсии.

Олег вежливо пожелал ей доброго утра и хотел пройти, но Зинаида Станиславовна заулыбалась:

— Какое же сейчас утро? По радио уже производственную гимнастику передавали. Добрые люди полдня отработали!

— А мне не к спеху, — сказал Олег. — Я сегодня в депо в вечернюю выхожу.

Кажется, у него это не плохо получилось, но на Зинаиду Станиславовну впечатления не произвело.

— Та-ак! — протянула она. — Значит, все-таки в депо? Ну что ж, хорошо, что не в дворники... Да, был бы здесь отец...

Дальше Олег не слушал. Он прошмыгнул мимо нее в уборную. Сюда уж она за ним не пойдет.

И какое ей дело до его отца? Он сам с ним объяснится, как мужчина с мужчиной.

Олег уже почти написал письмо отцу. Он так хорошо его вчера начал: «Папа, ты, может быть, не вполне еще понимаешь, но я очень вырос за эти годы. Я теперь совсем взрослый...»

Суп Олег есть не стал, а на второе в холодильнике были его любимые картофельные котлеты с грибным соусом. Конечно, котлеты и соус надо бы-

ло разогреть, но для этого пришлось бы снова выходить на кухню, а там Зинаида Станиславовна.

Олег съел котлеты и соус холодными, прямо из кастрюльки, чтобы не пачкать посуду. Атланты с укоризной смотрели на него. Все шесть.

— Ну что? — сказал им Олег. — Нечего глядеть, старики. Не всем дано родиться героями. Потом нужны обстоятельства. Вот мой папа — он в четырнадцать лет оказался в осажденном Сталинграде. Его оттуда вывозили через Волгу под бомбежкой, по горячей от нефти воде. Я бы там, может, тоже не испугался. А эта Зинаида Станиславовна страшной термоядерной войны. Кстати, папа ее тоже боится.

Олег запил котлеты компотом. Получилось совсем неплохо.

Надо было идти в химчистку. Мать выпустила рукава его старого костюма и отдала в чистку, чтобы Олег ходил в нем на работу. Но Олегу совсем не хотелось выходить сегодня на улицу в костюме, у которого рукава по локоть, а на брюках аккуратная заплата.

Вдруг он встретит ту девчонку с длинными глазами. Правда, он не знал, как покажется ей после вчерашнего вечера. Но встретить ее случайно, конечно, мог.

И потом в депо ему сказали, что сегодня выдают спецовку. Так что он вполне мог пойти на работу в приличном виде.

Олег надел свой серый английский дакроновый костюм. Его прислал ему отец ко дню рождения в посылке вместе с нейлоновой рубашкой.

В коридоре, конечно, снова оказалась Зинаида Станиславовна.

— Куда это ты так вырядился? — прищурилась она.

— В депо, — сказал Олег. — У нас сегодня культпоход в народный театр.

— Что же вы идете смотреть? — заинтересовалась Зинаида Станиславовна.

Она страстная театралка.

— «Школу злословия», — вежливо ответил Олег и скрылся за дверью.

4

Спецовки ему не дали. Оказалась закрытой кладовая. Как последний стилига болтался он среди слесарей и смазчиков в своем дакроновом костюме.

Бригадира куда-то вызвали к начальству. Все были заняты своим делом и на него только покривлялись, чтобы посторонился.

Олег вышел из депо. Постоял у ворот. Он всегда завидовал курящим. Вынул человек сигарету, сунул в рот — и вроде при деле. А тут не знаешь, куда себя девать.

Олег пробовал курить еще во втором классе, но так и не привык. Потом наслушался в доме санитарного просвещения лекций о вреде никотина: оказывается, 75 процентов людей, умерших от рака легких, — курильщики, так совсем решил никогда не курить. Но теперь, наверное, придется начать. Те, кто курит, легче знакомятся. Угостил человека папиросой — и уже приятели. Завтра же надо ку-

пить пачку «Казбека». В перекур вынет из кармана, скажет: «Пожалуйста, угощайтесь».

Торчать у депо было тоже неудобно: казалось, все обращают внимание на человека, стоящего без дела. Олег решил поискать бригадира.

Вечерело. По путям Сортировочной станции сновали маневровые тепловозы. Хриплый голос распекал по радио Сударкина, который загнал не на тот путь вагоны. Никогда не слышал Олег, чтобы по радио говорили такие слова.

Олег шагал по шпалам. Идти по ним неудобно, это все знают. Если наступать на каждую — шаги очень маленькие, а если через одну — то слишком большие. Олег стал шагать через одну.

Он шагал и думал о вчерашней девчонке. Удивительно крепко засела она у него в голове. Олег вспомнил ее взгляд, и снова стало нехорошо на душе.

А все Петька Щукин. Он виноват...

Чей-то крик заставил Олега поднять голову.

Впереди стоял человек и махал руками.

Олег не понял, что он хочет, но на всякий случай остановился. Человек замахал еще отчаянней.

Сзади послышался шум. Олег обернулся.

По рельсам на него стремительно катилась платформа. Тепловоза не было ни спереди, ни сзади. Платформа катилась сама собой, как в страшном сне.

Олег едва успел отскочить в сторону.

Платформа промчалась мимо и вдруг с разбегу остановилась, споткнувшись о подставленный башмак.

Человек у путей выпрямился и произнес в адрес

Олега несколько слов. Текст, который достался Сударкину, был по сравнению с ними просто из «Родной речи» для первого класса.

Олег свернул и увидел Щукина. Он бежал через пути, придерживая на боку сумку с инструментами.

— Гуляешь? — крикнул он. — А я тебя по всему депо ищу!

Они учились вместе в пятом классе. Щукин был старше Олега. Потом он поступил в железнодорожное училище.

Теперь Олег встретил Петьку в депо. Щукин очень обрадовался, хотя в школе они не дружили. Но, наверное, так часто бывает: вот живешь рядом с человеком, разговариваешь с ним, здороваешься — и все. А оказывается, он тебе самый настоящий друг.

Петька сразу стал заботиться об Олеге. Куда-то бегал и сказал, что добился — Олега прикрепят к нему в ученики.

Олег не знал, радоваться ему или нет. Конечно, приятно с первых дней работать со знакомым, в общем со своим парнем. Но, с другой стороны, Щукин что-то не внушал ему доверия. Сам тоже первый год работает.

Правда, бригадир ничего о том, что Олег будет Петькиным учеником, и не говорил. Он сказал только: «Ладно, первое время походи, присмотришь. Потом и к делу приставим».

В депо шел срочный ремонт, не до Олега было.

Щукин оглядел приятеля.

— Ты что, снова на танцы собрался?

— Понимаешь... Опять кладовщика нет...

— Беда с тобой, Селезень... — вздохнул Петька. — Хоть за ручку води. Ну, пошли.

— Куда?

— У сто тридцать четвертого пескоструйка бахлаит. Не отставай, шевели протезами.

Петька нырнул под стоящие на соседнем пути вагоны.

Олег снял пиджак, вывернул его подкладкой вверх, чтобы не испачкать — рубашка, черт с ней, отстирается, — и полез за ним.

Под заправкой стоял целый состав из тепловозов. Олег насчитал восемь, но Петька сказал, что их только четыре. Каждый тепловоз из двух одинаковых секций. Они прицеплены торцами друг к другу, и получается вроде дубля в домино. Восемь секций растянулись метров на сто с лишним.

Петька присвистнул:

— Вот это сцепочка, будь здоров!

Из первой кабины высунулся пожилой машинист.

— Зачем пожаловали?

— Помочь ветеранам труда, — сказал Петька. — Говорят, зашились, без нас не обойтись.

— Что же, в депо настоящего слесаря не нашлось? — нахмурился машинист и скрылся в кабине.

— Тяготеет над людьми груз прошлого, Олег, — громко произнес Петька. — Ведь сколько лет уже поем: «Молодым везде у нас дорога...» А вот старикам, извини, только почет...

Усатая голова машиниста снова показалась в окне кабины.

— У тебя рашпиль есть?

— Есть! — с готовностью отозвался Петька. — Дать?

— Самому сгодится... Попроси приятеля язык тебе подпилить.

Петька беззлобно рассмеялся. Что, что, а юмор он понимает, в этом Олег еще вчера убедился.

— Пойдем, Селезень, — сказал он. — Покажем, на что способно новое пополнение рабочего класса.

— Этот свистун тоже класс? — спросил машинист.

Он глядел на брюки Олега.

И что за манера судить о людях по одежде? Как будто наденет человек брюки в тридцать сантиметров шириной и сразу другим станет.

Олег хотел ответить машинисту похлестче, но не мог ничего придумать.

Хорошо, Щукин не растерялся.

— Подымай выше, батя, — сказал он, — трудовая интеллигенция! Пошли!

Нужный им тепловоз стоял последним в сцепке.

Петька полез в узкое пространство между секциями. Внизу на гладко срезанных торцевых стенках было по два бункера с песком. Около каждого из них откидные площадки, к которым шли лестницы. Одна лестница, побольше, вела на крышу локомотива.

Петька осмотрел бункеры.

— Здесь все нормально, — сказал он, — Пошли в кабину.

Ребята поднялись в кабину первой секции сто тридцать четвертого. Машинист, высунувшись из двери головного локомотива, смотрел на них.

Тепловоз мерно подрагивал. Работали двигате-

ли. Отец брал как-то Олега на локомотив, но это было давно, и тепловоз был другой конструкции.

В кабине стояли два мягких вертящихся кресла. В большие овальные окна открывался обзор на три стороны.

На приборной доске — циферблаты и лампочки. Почти как в самолете. Рядом рукоятки, штурвалы, кнопки.

Петька возился, согнувшись в углу.

— Педаль подачи заедает... — бормотал он.

Олег покрутил одно из кресел. Оказывается, оно не только поворачивалось, но и подымалось вверх и вниз, как у зубного врача.

Олег подогнал кресло по своему росту и сел.

Впереди стоящий тепловоз загораживал обзор, но при некотором воображении можно было представить, что ты ведешь поезд. Олег положил руку на одну из рукояток.

Тепловоз вдруг дернулся и тронулся с места. У Олега рука сама отскочила от рукоятки.

— Это что за чудеса?! — выпрямился Петька. — А если б я еще у бункера сидел?

Олег перепугался, хоть и понимал, что не мог ничего сделать. Он ведь даже не шевельнул рукоятку. Но лучше здесь ничего не трогать.

— Машинист видел, как мы сюда поднялись, — сказал Олег. — Он в дверях стоял.

Состав неторопливо двигался задним ходом.

— Теперь начнет по всей станции гонять, — проворчал Петька. — А ты жди!

Он сел в соседнее кресло. Порывшись в сумке, достал потрепанную книжку.

— Читал?

Это была повесть из серии приключений и фантастики. По воскресеньям на главной улице у книжного магазина толкучка. Там такими книжками меняются ребята и некоторые даже взрослые. Олег тоже часто заглядывал туда. Книжку, что была у приятеля, он не читал.

— Прочту, дам, — пообещал Щукин.

На приборной доске вспыхивали и гасли разноцветные лампочки.

— Ты что-нибудь соображаешь в этом? — спросил Олег.

— А как же! Я вообще думаю на будущий год в машинисты перейти — профиль у них интересный.

Тепловозы вдруг резко рванули вперед. Олег чуть не слетел с кресла.

— Вот человек! — возмутился Петька. — Отдохнуть культурно не даст, книжку почитать!

Олег посмотрел в окно.

Сцепка, набирая скорость, шла вперед по запасному пути. Олегу показалось, что дверь самой первой кабины была открыта.

— Куда это мы?

— Спроси меня что-нибудь полегче. — Петька тоже высунулся в окно. — Спят, старый, что ли? Ведь там же тупик!

5

В кабине было душно. Машинист пошире распахнул дверь. Весь день ему не хватало воздуха.

Прошлой ночью давило в груди, отдавало под левую лопатку. Бывало так и прежде, но обычно

после хорошего горчичника, поставленного на лопатку, отпускало. Но на этот раз что-то и горчичники не помогали. Только к утру боль отступила.

Заправка окончилась. Машинист передвинул рукоятку контроллера, чтобы отогнать сцепку немного назад, и шагнул ближе к двери глотнуть свежего воздуха.

Не надо было на этом пареньке свое состояние срывать. Среди молодых слесарят попадались очень толковые ребята. Правда, Шукина машинист не любил. Второй парнишка был ничего. Совсем зеленый, но мордочка неглупая, привыкнет, начнет разбираться, что к чему получше Петьки. Свистуном он, конечно, зря его назвал, под горячую руку. Паренек весь запылал от обиды. Туда же, гордый. «Трудовая интеллигенция...»

И ведь будет интеллигенцией. А Петька нет. Это точно.

Тепловозы отошли от заправочной станции. Машинист потянулся к рукоятке, чтобы поставить двигатели на холостой ход.

Острая, нестерпимая боль внезапно пронзила сердце...

Падая, машинист не почувствовал, как его рука судорожно рванула вперед рукоятку контроллера.

В следующее мгновение резкий толчок выбросил его в открытую дверь кабины...

— Федор Петрович! Федор!

Голос доносится откуда-то издалека. Отчаянно болит грудь.

— Федор!

Машинист приоткрывает глаза. Серая пелена застилает все. Кружится голова.

— Что с тобой?

Как в тумане, склоняется над ним знакомое лицо путевого мастера.

— Со мной? Ничего...

— Перебрал, что ли? Не похоже.

— Я?! — удивляется машинист.

— Чего тут лежишь? Шел бы домой.

— Домой?.. У меня смена...

— Ты же простудишься на земле!

— На земле?!

Машинист рывком приподнимается, кричит:

— Где... тепловозы?!

Но мастер не слышит его крика. А сцепка идет одна, и на ней двое слесарят.

— Тепловозы!.. — хрипит машинист.

Нет, не слышит его путевого мастер, не слышит...

И тогда машинист встает. Он должен догнать сцепку, обязан. Чудовищная слабость валит с ног, но машинист идет.

Он делает шаг, другой. Он отталкивает человека, который стоит на пути...

И вновь невыносимая боль пронзает сердце.

Машинист падает.

6

Железная дорога — это точность, расписание, выверенный до минут график движения поездов.

Это тщательно разработанная система безопасности, определенный, до мельчайших подробностей,

ритуал передачи дежурными и диспетчерами составов от станции к станции.

Это продуманные технические ограничения скорости, это великолепная система автоблокировки, где автоматика приходит вовремя на помощь людям и в случае необходимости исправляет их ошибку.

Кажется, здесь предусмотрено все. Но никто не может предусмотреть возможности появления на линии неуправляемой сцепки из нескольких мощных тепловозов.

И все-таки диспетчер Сортировочной, когда задыхающийся путевой мастер вбежал в дежурку с невероятной вестью, успел почти автоматически послать две команды.

Первое — он перевел сцепку с запасного на главный путь, чтобы локомотивы не рухнули в тупике (о том, что на сцепке двое ребят, не знал ни мастер, ни диспетчер, а лежащий без сознания машинист не скоро смог бы рассказать об этом).

Второе — диспетчер проверил, закрыт ли выход со станции красным светом. Это было единственное, что могло задержать сейчас сцепку.

7

Петька успокоений выпрямился. Тепловозы прогрохотали по стрелке.

— Перевели на главный,— сказал он.— Фу ты, черт!.. Не дрейфь, Олег, не кончится теперь в тупике твоя молодая жизнь!

Он посмотрел на Олега с некоторым уважением.

Оказывается, Селезень — парень что надо. Даже вида не подал, что испугался.

Олег и в самом деле не испугался. Просто ему в голову не пришло, что грозит какая-то опасность. Он решил, что Щукин его разыгрывает, как новичка на корабле. Еще не хватает, чтобы тот назвал его салагой. И вообще покровительственный тон приятеля начал Олега раздражать.

8

— Брось! — начальник разъезда «38-й километр» усмехнулся в трубку. — Будет разыгрывать! Сегодня не первое апреля...

— 38-й километр! — голос на другом конце провода был слишком взволнован для заурядного розыгрыша. — Примите телефонограмму: «К вам следует по первому сцепка из четырех тепловозов без машиниста. Обеспечьте беспрепятственное движение». Повторите, как поняли... 38-й километр?!

— Вас понял... — неуверенно произнес начальник разъезда. — К нам следуют четыре тепловоза без машиниста... Послушай...

— Освободите линию! Я вызываю Узловую!

Начальник разъезда покачал головой и растерянно положил трубку.

9

— Селезень! — испуганно проговорил Петька. — Мы прошли на красный!

Ну и артист! Ему бы в кино сниматься. У него даже губы вздрагивали.

— Брось, — сказал Олег. — Не маленький я... Не вчера родился. А как же автоблокировка?

— Что ты понимаешь?! — закричал Петька. — Автоблокировка! Все двигатели вкалывают сразу, шестнадцать тысяч лошадиных сил! Никакие тормоза не удержат!

Что-то странно он шутил. Лицо у него было белое, как нейлоновая рубашка Олега.

— Где же машинист?

— Кончился твой машинист! Сошел с ума, напился пьяный, улетел на Марс!

За окном промелькнули последние станционные строения. Дальше лежали пустынные, быстро темнеющие поля.

— Слушай! — сказал Олег. — Ты же в этом деле специалист... Останови!

Петька не ответил. Он глядел на Олега, но глаза у него были пустые. Просто неприятно было на него смотреть.

Олег отвернулся к окну и высунулся до отказа, пытаясь заглянуть в кабину первого тепловоза. Путь был прямой, и не было видно ничего, кроме черной поверхности корпуса локомотива.

Навстречу все быстрее валились серые телеграфные столбы. Сливаясь в сумерках, проскакивали огромные буквы выложенных вдоль откоса лозунгов.

«...МИРУ...»

«...СЛАВА...»

«...ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ!...»

Петька тяжело дышал в затылок. Его рука больно стиснула плечо.

Впереди показалась река. Полотно пути пошло

вверх. Каменный откос сменился песчаной насыпью. Состав немного замедлил свой бег.

Петькина рука вдруг разжалась. Он метнулся к двери. Рывком распахнул ее.

— Петька! — крикнул Олег.

Щукин уже висел на последней ступеньке подножки.

— ...а-а-ай! — тонко прокричал он и разжал руки.

Олег невольно отшатнулся. Темный клубок метнулся вперед и покатился по песчаной насыпи.

Когда Олег заставил себя поглядеть назад, Петьки уже не было видно,

Все произошло так быстро, что Олег даже не успел испугаться. Он только понимал, что, если Петька прыгнул с поезда на всем ходу, значит действительно случилось что-то невероятное.

Он крикнул: «Прыгай!...»

Олег осторожно ступил на подножку. В лицо ударил ветер. Вцепившись в поручни, стал медленно спускаться, неловко ощупывая ступеньки ногой. Одна, другая, третья... Нога опустилась в пустоту и тут же судорожно дернулась обратно.

Олег замер на последней ступеньке. Навстречу мчался сливающийся частокол шпал. Шпалы неслись все быстрее, и не было сил отвести от них взгляд. Кружилась голова. Он невольно зажмурился. Руки до боли вцепились в поручень.

Он не знал — прошло мгновение или минута. Оглушительный грохот заставил его раскрыть глаза.

Состав на сумасшедшей скорости мчался по ре-

шетчатой ферме моста. Внизу в пролетах темнела река.

Сцепка проскочила мост. Полотно дороги ушло в глубокий разрез. Прыгать здесь было невозможно.

Олег с трудом поднялся в кабину. Ноги не слушались. Он даже не смог сесть в кресло. Просто опустился на пол у задней стенки кабины. Крутые откосы дороги подступили к самым окнам. Стало совсем темно.

Ему еще никогда не было так жутко,

10

...Казалось, стоит раскрыть глаза, и наваждение исчезнет. Все встанет на свои места. Стихнут двигатели, заскрипят тормоза. Сцепка замедлит ход и остановится у разъезда.

Из передней кабины неторопливо вылезет машинист, оботрет руки

паклей и крикнет: «Эй, рабочий класс! Как, порточки сухие?»

И я бы совсем не обиделся. Куда там! Да я бы просто расцеловал машиниста. Только вот Петька... Зачем он прыгнул? Ведь тепловозы сейчас останавливаются!..

Я открыл глаза. Темная стена леса стремительно проносилась за окном. Так же, как теперь.

Но тогда голый весенний лес показался мне жутким и безмолвным. В кабину не пробивалось ни огонька, ни лучика света. Только тревожно горели лампочки на приборном щите.

С новой силой подступил страх.

Невозможно было ждать, пока этот сумасшедший состав врежется в первое препятствие на пути или, сойдя на крутом повороте с рельсов, с грохотом пролетит под откос.

Я заставил себя встать. Кабину бросало из стороны в сторону. Меня стукнуло о какой-то выступ.

Казалось, вся кабина состоит из железных переборок, острых углов и стальных рычагов. Хлопала незакрытая дверь.

Я подошел к проему. Взглянул вниз. Тепловозы шли без огней. Полотно дороги было едва различимо в темноте.

Снова нащупал ногой ступеньку.

И вдруг отчетливо увидел, будто со стороны, как мое тело падает на рельсы. Рывок вбрасывает его внутрь. Колеса последней секции...

Я отпрянул назад и захлопнул дверь.

Отец говорил мне: в трудную минуту просчитай в уме до десяти, потом принимай решение.

Я просчитал до двадцати пяти. Вслух...

Прыгать можно только из самой последней кабины. Все-таки есть хоть какой-то шанс уцелеть. Надо пробраться в последнюю секцию.

Олег открыл дверцу в задней стенке кабины. Она вела в узкий проход. Рядом оглушительно стучал дизель. Удушливо пахло нефтью.

Олег осторожно полез вперед. Тепловоз раскачивало. Наконец, больно ударившись коленом, уперся в стенку. Пошарив, нашел ручку. Приоткрылась дверь.

Он жадно глотнул холодный вечерний воздух.

В последнюю секцию вел переход — такой же, как в обычной электричке.

Теперь Олег уже уверенней прошел по узкому проходу машинного отделения. Открыв дверь, оказался в кабине.

Здесь так же горели лампочки на контрольном щите, но было чуть светлее. За широким полукруглым стеклом убегала назад дорога. Каждое мгновение уносило его от дома.

Там, в комнате с атлантами, на камине осталось недописанное письмо отцу: «Папа, ты, может быть, не вполне еще понимаешь, но я...»

Он должен обязательно дописать это письмо, объяснить отцу, почему бросил школу. Объяснить спокойно, как взрослый человек.

Вот напрасно мама тогда не поехала, осталась с ним здесь. Он так просил ее поехать, чуть не плакал, но она осталась. Боялась ехать в Африку. И чего боялась! Заболеть и здесь можно...

И тут вдруг Олег понял, что она боялась не за

себя. Раньше почему-то это не приходило ему в голову. Она совсем не боялась за себя! И сердце здесь ни при чем. Она поехала бы за отцом куда угодно, в самое страшное место, не то что в Африку. Ей так трудно было остаться одной. Он же видел, как она переживала...

Она боялась за него, Олега! Боялась, что он заболит. А главное, что не сможет там учиться... Из-за него!

Первый раз Олег понял это так отчетливо. А он... Он сделал ее жертву напрасной.

Он сейчас вернется и порвет это дурацкое письмо...

12

Крутые откосы отступили. Дорога пошла по невысокой насыпи. В темноте проносились смутные очертания столбов.

Все тело Олега сопротивлялось этому безумному шагу, но у него не было иного выхода.

Он не мог просто так исчезнуть. Это невозможно, несправедливо, нечестно в конце концов!..

Олег шагнул к двери и вдруг почувствовал, что в кабине еще кто-то есть. Он не знал, что заставило его понять это, может быть, просто взгляд, устремленный на него в темноте. Но в кабине точно кто-то был!

Значит, он не один на этих сумасшедших тепловозах... Здесь есть еще человек, наверное, второй машинист, они же не заглядывали сюда с Петькой.

Олег забыл про красный светофор, неосвещенный состав, огромную скорость. Он чувствовал только ни с чем не сравнимую радость спасения...

Какое счастье, что он не спрыгнул тогда с подножки!

Олег обернулся.. В кабине было темно, но он увидел фигуру, прижавшуюся в углу. Оттуда на него смотрели встревоженные глаза.

Олег вгляделся. В углу стояла девушка примерно его лет. Разглядеть как следует ее лицо он не мог.

Олег растерянно молчал. Девушка тоже. Он не мог понять, как эта девчонка очутилась здесь.

— Ты кто? — спросил он.

Девушка не ответила. Большие круглые, как у совы, глаза, не мигая, смотрели на него.

— Кто ты? — повторил Олег.

Но она молчала. В сумраке кабины ее лицо казалось плоским и неподвижным.

«Может быть, она глухонемая?» — подумал Олег.

Он раз видел в кафе-мороженом компанию глухонемых. Они очень тихо сидели за двумя сдвинутыми столами и праздновали что-то. Наверное, день рождения. Время от времени один из них вставал и быстро-быстро «произносил» на пальцах речь. Потом все смеялись странными скрипучими голосами и хлопали в ладоши. Олег даже свое мороженое тогда не смог доесть.

— Кто ты?! — заорал он.

Девушка вдруг негромко рассмеялась. Голос у нее оказался самый обыкновенный.

— «Кто, кто?» — передразнила она. — Человек — вот кто!

— Что ты здесь делаешь?

— Твист танцую — разве не видишь?

Она вышла из угла.

— Сейчас ты запоешь!.. — выкрикнул Олег и вдруг запнулся.

13

...Неужели это случилось всего несколько часов назад?

Я стоял, прижавшись к стене, с изумлением смотрел на нее и ничего не мог понять.

Это была та самая «вчерашняя» черненькая девчонка с танцплощадки. Я узнал ее.

Только не мог сообразить, почему вчера ее глаза показались мне продолговатыми, необыкновенно длинными. Сегодня они у нее были совсем круглые...

И все-таки это была она. У меня от неожиданности на минуту даже страх пропал. Кажется, совсем забыл про тепловозы...

Я стоял и думал: «Что будет, если она сейчас узнает меня?»

— Ты кондуктор? — спросила она.

«Кондуктор?! Почему кондуктор?.. При чем тут кондуктор?!»

— Кондуктор? — Я мотнул головой. — Нет...

— А кто же?

Я совсем забыл, что работаю на железной дороге.

— Никто... — проговорил я. — Просто человек...

И почему я все время так терялся перед ней?

Как будто нарочно делал все, чтобы выглядеть в ее глазах полным кретином. Сейчас бы я вел себя совсем по-другому...

Она усмехнулась своей равнодушно-снисходительной улыбочкой. Эту улыбку я хорошо запомнил.

Вчера она улыбнулась так, когда я пытался пригласить ее подругу танцевать.

Мог ли я подумать, что встречу ее так неожиданно и странно?..

За окном вагона мелькают темные поля, перелески. Совсем недавно мы мчались мимо этих мест вместе с ней.

Неужели я больше никогда не увижу ее?

14

Девчонка усмехнулась. Тревога ее совсем прошла. Она опасалась только кондуктора.

— Ну, тогда садись, человек. — Она указала на вертящееся кресло. — Будь как дома.

Олег опустил голову под ее взглядом.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Олег... А что?

— Обозналась, показалось, знакомый. Может быть, просто видела где-то.

— Где ты могла меня видеть... — пробормотал Олег.

Впрочем, случайный попутчик не очень интересовал ее. Склонившись к приборной доске, при свете лампочек она посмотрела на циферблат ручных часов.

— В Узловой когда будем, не знаешь?

— Где?

— В Узловой.

Они разговаривали на разных языках. Она просто не понимала, что случилось. Ей надо было в Узловую. Час назад она забралась в тепловозы на Сортировочной. Местные ребята часто ездят до Узловой на товарных поездах.

— В Узловой... — проговорил Олег. Он не хотел ее пугать. Надо было как-нибудь осторожно объяснить. — Не попадешь ты в Узловую...

Девушка вскинула брови.

— Это почему? Я сама на станции слышала: эти паровозы в Узловую перегоняют.

Ах, как было все просто!

Она стояла перед ним спокойная, аккуратная. Прямой пробор, волосок к волоску, глаза чуть с прищуром. Он — растерзанный, в белой перепачканной рубашке.

Это было ужасно, унижительно. Особенно если вспомнить то, что случилось накануне вечером...

15

Я думал только об одном: хоть бы она не узнала меня!

Снисходительная улыбочка шла ей, и она отлично это знала.

— Не попадешь ты в Узловую! — в отчаянии повторил Олег.

— Может быть, ты скажешь, куда я попаду? — с прежней улыбкой спросила она.

— На тот свет! — выпалил Олег. — К черту в лапы! Ясно?

Он ждал — наконец она испугается, но спутница только покривила рот, сказала:

— Это кто же черт? Ты, что ли? Похож.

Олег чуть не задохнулся. Но объяснять ей было некогда. Состав шел все быстрее.

— Прыгай! — крикнул он. — Скорей!

Девушка недоуменно смотрела на него.

Олег схватил ее за руку, подтолкнул к двери. Девчонка вцепилась другой рукой в какой-то рычаг. Оторвать ее было невозможно.

Отчаянным усилием она вырвалась и отскочила в угол.

— Не имеешь права! — тяжело дыша, проговорила она. — Не имеешь никакого права на ходу с поезда выкидывать!.. Бандит!.. У меня мама больная, я за лекарством в Узловую еду!.. Вот погляди!

Она ткнула ему в нос какую-то бумажку,

— Ты понимаешь...

— Не подходи! — крикнула девушка. — Стой, где стоишь!.. Погоди, я еще пожалею кому следует. Тогда узнаешь!

17

Ее аккуратная прическа растрепалась, снисходительная улыбочка исчезла. Такой я ее еще не видел...

Я думаю сейчас, какая же из двух была настоящей? Не знаю... наверное, обе.

Только такой она мне тоже нравилась. Даже еще больше.

18

— Не подходи!..

— Слушай, на этих тепловозах никого нет. Понимаешь? Никого! Только мы!

— А машинист?

— Нет машиниста, — грустно сказал Олег.

— А где же он?

— Не знаю... Сошел с ума, напился пьяный, улетел на Марс. Надо прыгать!

— Брось, — сказала девушка, поправляя прическу. — Не выкручивайся. Прыгай сам, а я погляжу.

Она опять усмехнулась прямо ему в лицо. Это было уже слишком. У Олега даже страх пропал.

Он молча распахнул дверь и спустился на подножку. Он знал, что теперь спрыгнет. Обязательно. Будь что будет.

Олег подогнул ноги, глубоко вздохнул..

Цепкая рука схватила его за воротник. Он рванулся.

Он должен был прыгнуть, тогда она поймет, что происходит, и спрыгнет вслед за ним,

— Пусти!

Но она не отпускала.

Решимость Олега таяла с каждой секундой. Он дернулся еще пару раз и уступил. Теперь он просто стоял на подножке, а она крепко держала его за воротник. Все это было ужасно глупо.

Олег поднялся в кабину.

Девушка стояла рядом настороже, готовая снова кинуться и помешать ему прыгнуть. Даже сквозь стук колес Олег слышал ее частое дыхание.

Он отступил на шаг.

— Дурак! — услышал он.

Она коротко, по-детски, всхлипнула.

Хотелось подойти к ней, успокоить, но Олег боялся, что она узнает его.

19

А все Петька. Он виноват. Зачем только я пошел с ним вчера после работы!

Но ведь он как начал:

— Селезень, с тебя причитается... Обмыть это дело надо!

Я, правда, замаялся. Петька засмеялся:

— Привыкай!

— Брось, — сказал я, — на меня алкоголь вообще не действует.

На последнем школьном вечере мы с ребятами в котельной целую бутылку портвейна «три семерки» распили. Ребята потом два дня хвастались, как здорово рубанули. А я даже ничего не почувствовал. Правда, я пил последним, и мне только один глоток из бутылки достался.

Но вчера просто у меня денег не было. Всего тридцать копеек.

Я так прямо Петьке и сказал:

— Давай в другой раз, я сейчас не могу. Топплюсь. Свидание. Тут одна...

Петька сразу сообразил:

— Денег нет? Так и скажи. Это ерунда. Я сегодня при авансе. Пошли. Примем по сто пятьдесят.

Я не очень понял, при каком он авансе, но пошел. Показалось неудобно человеку отказать. Тем более мне с ним предстояло работать.

Мы зашли в станционный буфет. Петька поздоровался с буфетчицей.

— Здравствуй, Шурочка!

Показывал мне, что он здесь свой человек.

На прилавке стояли пивные кружки и перевернутые граненые стаканы. Я как представил такой стакан полный водки, так меня даже передернуло. Но потом вспомнил, что на меня алкоголь не действует, и успокоился.

Петька бросил на прилавок трешку:

— Шурочка, сообрази нам по полуторке с прицепом!

Шурочка накачала из бочки две кружки пива, отдала Петьке сдачу и сказала:

— Все. Больше и не мечтай. Подрасти сначала.

Мне стало неудобно за Петьку. Но он даже не смутился. Принес за столик, где я сел, пиво, пододвинул мне одну кружку и негромко сказал:

— Вон того типа в углу видишь?

В углу сидел какой-то старичок и пил кефир.

— Ну?

— Ревизор! — сказал Петька. — При нем Шурка не смеет водку продавать. Не положено в буфете. Надо было нам в ресторан пойти. — Он поднял кружку. — Ну, давай, рабочий класс!

Я хотел чокнуться, но Петька сказал, что пивом не чокаются. Я выпил свою кружку залпом, не отрываясь, даже дыхание ни разу не перевел.

Петька спросил:

— Ну что — еще по одной?

Я не отказался. Я первую просто как воду выпил. Петька пошел к стойке. Старичок ревизор ушел.

Я подумал, что теперь Петька по сто пятьдесят принесет.

Но Петька почему-то опять только пиво принес. Я спорить не стал.

Мы решили с Петькой все время работать в депо вместе и через год поступить в техникум, а потом, окончив, сразу в институт инженеров железнодорожного транспорта. Только чтобы вместе.

Потом Петька предложил выпить еще по кружке за нашу дружбу.

Меня Шурочка выручила. Сказала, что пора закрывать буфет и чтобы мы выметались. Петька заспорил было, но я его за рукав потянул, и мы пошли.

Петька сказал, что правильно, нечего нам в духоте сидеть, пойдем лучше в горсад.

И мы пошли в горсад. Было нам очень весело. Мы смеялись прямо как сумасшедшие. На нас все оглядывались. «Напились, сопляки», — сказала какая-то старуха.

А мы совсем не напились. Просто нам было ве-

село. Петька все время острил, задира́л девчонок. Остроумней его я никогда человека не видел и хотал до упаду.

Потом к нам вдруг подошли дружинники и сказали, что если мы не прекратим безобразничать, то нас выведут.

Я хотел им объяснить популярно, что каждый советский человек имеет право на отдых, но Петька сказал, что не стоит связываться, — все равно не поймут.

Пока мы беседовали с дружинниками, мимо прошли две девчонки. Одну из них я знал — она кассиршей в универмаге работает, а другая незнакомая — черненькая, высокая. Они посмотрели на нас, кассирша что-то сказала подруге, и обе засмеялись.

— Видал? — сказал Петька.

Девчонки пошли на танцплощадку.

Там стояли дружинники с повязками. Они наблюдали, чтобы никто не нарушал рисунок танца. Парней танцующих было совсем мало. Все больше девчонки друг с другом. Наши тоже танцевали вдвоем.

— Пойдем разобьем! — сказал Петька. — Ты которую пригласишь?

Мне сразу понравилась черненькая. С первого взгляда. У нее была строгая, на пробор, прическа и длинные продолговатые серые глаза. Я такие глаза только в заграничных фильмах видел.

Но я сказал:

— Все равно.

— Тогда метнем... — Петька вынул монетку. — Чур, моя решка!

— Не надо, — сказал я. — Ты не знаешь, эта... откуда?

— Рыжая? Зинка, из универмага.

— Это я знаю. А та, другая?

— Первый раз вижу. Наверное, не наша, приезжая. Ну, давай, мне тоже все равно.

Ему действительно было все равно.

Я мог выбирать, но почему-то направился к рыжей кассирше из универмага.

Мне казалось, если я подойду к черненькой, все сразу поймут, как сильно она мне нравится. Даже старался не смотреть на нее, когда подходил к девочкам. И так старательно отводил глаза, что споткнулся. А тут еще как нарочно кто-то из танцующих налетел на меня, и я чуть не упал прямо на девочку.

Рыжая кассирша взвизгнула, а черненькая только слегка посторонила.

— Держись за землю, кавалер! — фыркнула кассирша.

Черненькая равнодушно усмехнулась.

Сквозь толпу танцующих к нам уже пробирались дружинники.

Танцевать расхотелось, и я отошел. Петька стал орать, но я сказал, что вообще не могу танцевать, когда мне на ноги смотрят сразу двадцать сержантов милиции, и мы ушли с танцплощадки.

На свои тридцать копеек я купил два стаканчика фруктового мороженого. И тут мне вдруг стало плохо. Я даже никогда не думал, что человеку может быть так плохо.

Петька быстро съел свое мороженое и принес мне воды в стаканчике.

Я выпил воду, пахнущую фруктовым мороженым, и мне опять стало плохо.

И тут мимо прошли две девчонки. Те самые. Рыжая уставилась на меня, а черненькая только мельком взглянула и тут же отвернулась.

Но я надолго запомнил этот взгляд...

20

По телефонным проводам метались голоса:

— Переведите тринадцатый скорый на второй путь...

— Задержите выход 14-29...

— Освободите первый путь для прохода неуправляемых тепловозов...

На большом слегка изогнутом щите диспетчерской Узловой вспыхивали разноцветные лампочки. Красные и зеленые — светофоров, белые — перемещающиеся огоньки поездов.

Белых огней было много.

Но внимание всех собравшихся в диспетчерской было приковано лишь к одному из них.

Мигая, он передвигался по щиту от Сортировочной к Узловой.

— Поезд без машиниста... Поезд без машиниста... Поезд без машиниста!..

Нарушались графики и расписания.

В управлении дороги совещались работники всех служб, пытаясь найти выход из положения,

Поезд без машиниста!..

В любую секунду он может сойти с рельсов, разметать пути, врезаться в здание вокзала, столкнуться со встречным составом.

Погибнет техника, надолго выйдет из строя магистраль, а главное — в опасности люди. Те, что, ничего не подозревая, едут сейчас в поездах, ждут на перроне, просто живут в домах близ железной дороги.

— Черт с ней, с матчастью! — большой черно-волосый человек горячился, и становился заметным его кавказский акцент. — Эти тепловозы такое натворят на магистрали — год не расхлебаем! У нас пассажиры, понимаешь, мы отвечаем за их безопасность!..

— Что ты предлагаешь, Георгий? Конкретно?

— Сбросить! Найти подходящее место, где они беды не наделают, аккуратно упадут, перевести ручную стрелку и пустить под откос! Вполне конкретно!

Георгий энергично рубанул воздух, показывая, как тепловозы будут аккуратно лететь под откос.

21

Из темноты на мгновение выскочил освещенный домик блокпоста возле переезда. У шлагбаума стояли встревоженные люди. Они смотрели на проносившиеся мимо тепловозы.

Олег метнулся к двери. Он хотел крикнуть, подать знак. Но домик и переезд тут же исчезли.

Темнота снова обступила кабину. Только горели три разноцветные лампочки на панели управления: две красные, одна зеленая, сообщающая что-то непонятное о работе машин. Рядом с Олегом стояла его спутница.

Надо было срочно что-то предпринять, пока она затихла. Прыгать теперь уже поздно.

Главное, чтобы их заметили люди. Тогда им помогут, Олег не сомневался.

Но как ухитриться сообщить о себе? Написать записку, попробовать выкинуть на следующей станции?

Девушка зашевелилась.

— Что ты хочешь? — спросил Олег.

— Зажечь свет, — сердито ответила она. — Здесь такая темень...

Олег чуть не ударил себя по лбу.

Болван! Как он не догадался раньше? Надо было зажечь свет в кабине. Тогда бы люди заметили их!

Свет должен был включаться, конечно, где-то па щите. Олегу пришлось изрядно пошарить при тусклом свете лампочек, прежде чем он нашел кнопки освещения. Он так волновался, что не сразу смог включить освещение в кабине.

Сначала свет почему-то вспыхнул за окном. Яркий луч прорезал темноту. В полосе света убегаю назад полотно дороги. Горел прожектор, укрепленный снаружи.

— Что же ты? — нетерпеливо сказала девушка.

Олег нажал соседнюю кнопку. Теперь стало

светло и в кабине. Олег даже на мгновение зажмурился.

Когда он открыл глаза, то увидел, что спутница пристально разглядывает его. На лице ее было странное выражение. Не то тревоги, не то изумления. Что такое она увидела?

Она смотрела на него так же, как вчера вечером в саду. Только глаза у нее сегодня были круглые.

Все. Узнала. Олег отвернулся. Они молчали. Долго. Очень долго,

У Олега было одно желание: провалиться сквозь землю.

А она ничего не могла попятить. Откуда здесь взялся этот парень? Сегодня он другой, не нахальный. Только какой-то странный. Почему он хотел спрыгнуть с поезда? Или это розыгрыш, дурацкая шутка?

— Ты все это выдумал? — спросила она в упор.

— Что?

— Эту чепуху про машиниста?

Чтобы Олег сейчас ми сказал, она все равно не поверит.

— Выдумал.

Девушка вспыхнула.

— Интересно, что бы ты делал, если бы я тебя не удержала?

Олег промолчал.

— Напрасно схватила! — безжалостно сказала она. — Надо было дать тебе прыгнуть! Самоубийца-любитель...

Ей было обидно за свое волнение, слезы. Олег ничего не мог ответить.

— Часто ты такой цирк устраиваешь? — не унималась девушка.

Олега охватила злость. Странно, но ему сейчас было совсем не так страшно, как четверть часа назад.

— Два раза в неделю. По вторникам и четвергам.

— Сегодня пятница.

— Значит, с этой недели — три.

— А где твой приятель сегодня выступает? Как это он тебя одного отпустил?

Олег прижался к окну. Все бы отдал сейчас за то, чтобы не было «вчера», а было бы только «сегодня». Тогда бы он с ней совсем иначе разговаривал.

Сумасшедший состав нес их в ночь. За темным окном только угадывались очертания лесных посадок, разрывов полей. Сколько раз он видел это из окна вагона.

22

Я вспомнил, как мы провожали папу. Он ехал в международном вагоне. Первый раз в жизни. Как я теперь в мягком...

Никогда мне не приходилось бывать в таком шикарном купе. Позолоченные ручки, крючки, полочки.

Маме понравился умывальник с душем, а мне зеркала. Их было три, и мы отражались в них сразу со всех сторон. Казалось, в купе полно людей. Папа был весел, шутил.

Потом мы ушли. Он остался один. Он смотрел на нас через стекло и строил мне смешные гримасы.

Поезд тронулся. Мы пошли за вагоном. Папа улыбался и махал нам рукой. Потом мы отстали. Но поезд шел еще медленно. Я изо всех сил побежал и еще раз догнал вагон у самого края платформы.

Папа все стоял у окна. Но не улыбался. Он думал, что его никто не видит, и у него были грустные, грустные глаза...

23

За окном вспыхнул яркий свет. Оглушительный грохот ворвался в кабину.

Олег невольно отшатнулся.

Мимо проносился встречный поезд. На огромной скорости слились в одну полосу освещенные окна вагонов.

Там сидели пассажиры, ужинали, разговаривали, играли в домино, пили пиво. Они были всего в каких-нибудь полутора-двух метрах.

Поезд промчался. Через полчаса он остановится у станции.

Олег застонал от подступившей тоски.

Девушка искоса взглянула на него. Но Олег молчал, а спрашивать она не хотела.

Паренек стоял тихий, совсем не похожий на вчерашнего. Пожалуй, даже симпатичный... Впрочем, она не успела рассмотреть как следует.

Девушка осторожно коснулась его рукой. Олег обернулся. Она взглянула ему в лицо. В ее глазах мелькнул испуг.

24

Начальник разъезда «38-й километр» растерянно перечитывал телефонограмму.

— Ну и ну! Такого еще никогда не было!

— Мне приходилось, — сказал пожилой дежурный.

— Составы под откос пускать?!

Дежурный кивнул.

— Это когда же?

— В войну.

— Так то в войну!..

Начальник был очень молод. Война для него была кинофильмом.

25

Она стояла спиной ко мне. Плечи ее вздрагивали. Я пробовал успокоить ее, но она не обернулась. Я видел, как она кусала губы, чтобы не разрыдаться в голос. Со слезами она ничего не могла сделать, они текли у нее по щекам. Я вынул из кармана платок.

— На, возьми, — сказал я. — Чистый.

Она, не оборачиваясь, оттолкнула мою руку. Она не хотела, чтобы я видел ее слезы. Но плечи у нее вздрагивали все сильнее.

Я не знал, что делать. Когда я был совсем маленьким и ревел, отец всегда говорил маме: «Не обращай на него внимания. Перестанет». И я, правда, тут же переставал реветь. Неинтересно становилось.

Я решил не обращать внимания. Даже стал насвистывать какой-то веселенький мотивчик. Вообще-то я люблю петь и свистеть. Но не при людях. У меня расходится голос с музыкальным слухом. Это мне объяснила учительница пения еще в третьем классе. Но сейчас я так засвистел, что сам испугался.

— Перестань свистеть! — сказала моя спутница.

Кажется, мой метод подействовал. Я перестал. Она вынула зеркальце. Не глядя на меня, потребовала:

— Дай платок!

26

— Олег! Селезень!

Петька весь ободрался о щебенку и придорожные кусты. Сорвал голос. Он обшарил не меньше километра насыпи с обеих сторон.

— Олег!

Значит, Селезнев остался на сцепке и сейчас мчится со скоростью сто километров в час.

Как же он там один?

— Олег!!!

Мимо, грохоча, пронесся пассажирский поезд.

Петька скатился с насыпи и через бурое весеннее поле побежал к далекому проселку, на котором изредка вспыхивали и исчезали огни машин.

Вдали показался одинокий свет фары. Он приближался.

Башмаки расползались в жирной пашне. Земля цеплялась за ноги, не пускала вперед. Донесся треск мотоциклетного мотора.

Петька отчаянно рванулся к проселку. Упал, поднялся. Снова бросился наперерез свету.

Ему удалось вбежать на проселок, на мгновение опередив мотоцикл.

Забыв об опасности, Петька распахнул руки, загородил дорогу. Мотоциклист резко затормозил.

— Друг! — прохрипел Петька. — Скорей... К телефону!..

Вид его был таков, что мотоциклист даже не спросил ничего. Кивком показал на сиденье сзади.

Круто развернул машину и на предельной скорости помчал ее обратно в темноту.

27

— Что же мы будем делать? — спросила девушка.

Она уже привела себя в порядок и стояла перед Олегом строгая, аккуратная, такая же, как прежде. Даже не скажешь, что пять минут назад обливалась слезами. Только глаза блестели.

Она ждала ответа.

«Что делать?..» Олег тоже думал об этом. Все время с той минуты, как они остались вдвоем на тепловозах. Но никак не мог ничего придумать.

Если бы он разобрался в этих рычагах и кнопках! Тронешь не ту ручку — весь состав полетит к черту, под откос...

А если как раз сейчас навстречу идет какой-нибудь поезд? Даже жутко подумать, что тогда может случиться...

Прежнего страха и растерянности у Олега уже

не было. Они отступили перед заботой о спутнице. Она была слабей. Сейчас у нее вид только был такой спокойный.

Олег понимал: чуть что, и снова начнут содрогаться ее плечи. Надо было отвлечь ее чем-то, успокоить. Выход найдется, обязательно найдется!

За окном в луче прожектора промелькнула фанерная постройка с вывеской «Столовая». Несколько столиков стояли снаружи. На них лежали стулья, убранные на ночь.

— Слушай, — сказал Олег, — у тебя поесть ничего нет?

28

Я всегда хочу есть в самое неподходящее время. Например, в гостях, когда все уже делают вид, что наелись, и никто не берет последнего куска пирога, лежащего на блюде. Тогда я начинаю до невозможности хотеть его. Как будто два дня совсем не ел. Ничего с собой не могу поделать и, когда блюдо уже хотят унести, ни на кого не глядя, забираю себе проклятый кусок.

Когда я был поменьше, мама даже не любила со мной в гости ходить. Опасалась моего аппетита.

Сколько я выслушал нотаций о своей невоспитанности, неумении вести себя на людях,! А я просто люблю поесть. Даже теперь в кино, когда вижу, как на экране артисты едят, так мне тут же есть хочется.

Как-то в доме санитарного просвещения у лектора, который проводил беседу о питании при ате-

росклерозе, я даже спросил, что это, может быть, у меня какая-нибудь болезнь?

Лектор сказал, что я вполне здоров. Просто у меня сильная реакция организма на еду. И это вполне согласуется с теорией академика Павлова...

Но тогда на тепловозе я совсем не хотел есть. Даже странно — ведь как поел дома часов в двенадцать, так больше ничего во рту не имел. Но о еде в тот момент и не думал, это точно.

Мне просто хотелось чем-нибудь ее отвлечь. Все равно чем.

29

Круглые глаза девушки стали еще круглей. Она решила, что ослышалась.

— Что?!

— У тебя еды никакой нет?

— Ты хочешь есть?!

— Не хотел бы — не спрашивал, — буркнул Олег.

Девушка смотрела на него чуть ли не с уважением. Необычный все-таки достался ей попутчик.

Она даже успокоилась немножко. В самом деле, если человек хочет есть, все, наверное, не так страшно.

Олег уже жалел о своем нелепом вопросе. Откуда у нее может быть здесь еда?

Но девушка неожиданно сказала:

— Сейчас посмотрим.

Она поставила на кресло большую красно-синюю сумку. Сумка была набита свертками, пакетами, кулками. Колбаса, сыр, масло, хлеб белый и

черный, крутые яйца, соленые помидоры... Ну и запасливая оказалась у него попутчица!

У Олега даже настроение поднялось.

Но все-таки она здорово волновалась. Пальцы, когда разворачивала пакеты, вздрагивали. Кусок колбасы чуть не упал на пол. Олег едва успел подхватить его и хотел отправить в рот, но девушка схватила его за локоть.

— Такими руками?! Вымой сейчас же!

Легко сказать — вымой. А где? В кабине был умывальник. Олег его обнаружил, когда хотел дать ей напиток, но вода из крана не шла.

— Да я так...

— Так не будет! — отрезала девушка и сразу напомнила Олегу маму.

Она посмотрела на его ужасные, перепачканные ладони и вытащила из своей бездонной сумки флакон и кусок ваты. В кабине запахло духами.

— На, протри как следует.

Олег повиновался. Он бы мог, конечно, поест и так — ничего бы не случилось, но ему не хотелось быть невоспитанным.

Пока Олег возился с руками, девушка нарезала хлеб, сыр, колбасу и разложила все на салфетке. У нее даже ножик оказался в сумке.

Она старалась не торопиться, делать все спокойно и аккуратно.

— Садись, — сказала она.

Олег решил быть до конца вежливым и не заставлял приглашать себя дважды.

Со стороны поглядеть — просто два человека сидели в поезде и ужинали. Только почему-то не в купе вагона, в кабине машиниста.

Девушка сама почти ничего не ела и с Олегом не разговаривала, только все подкладывала ему новые куски.

И чем больше он ел, тем она становилась спокойней.

30

На дверях поселковой почты висел большой амбарный замок.

— Проспись, парень, — сказал сторож, — утром приходи.

Он был настроен вполне миролюбиво.

— Открывай! — прохрипел Петька. — Мне на станцию позвонить надо!

— Отступи! Не имею никакого полного права допускать посторонних лиц в неурочное время. Добром говорю, уйди!

— Открывай! Человек гибнет!

— Неужто на пятнадцать суток захотел? А ну, отойди! — Сторож угрожающе вскинул тулку. — Стрелять буду!

— Стреляй!

Петька рванул на груди комбинезон и пошел на сторожа.

— Стреляй!

Он оттолкнул оторопевшего сторожа. Ударил в дверь ногой.

Со второго удара выскочила дужка замка. Дверь распахнулась.

Не зажигая света, Петька бросился к телефону на стене.

— Ну, что ты хватаешь?! — плачущим голосом проговорил сзади сторож. — Это ж местный. Междугородный — вот он, в будочке висит... Темнота!

31

Я уже не мог больше, а она все очищала яйца, мазала хлеб маслом, отрезала толстые ломти колбасы и молча пододвигала мне новые куски.

— Все! — сказал я. — Спасибо, сыт.

Она быстро взглянула на меня.

— Возьми помидоры. Ты не пробовал

Это была, пожалуй, первая ее фраза за наш ужин.

— Попробуй! — настойчиво повторила она. — Сама солила.

Тут я понял, что ничего она не успокоилась. Просто она боится, что сейчас кончится ужин и

снова надвинется страх. И еще она очень не хочет, чтобы я заметил это.

— Возьми! — сказала она.

Я чувствовал, что у нее внутри все сжимается от предчувствия страха, но больше не мог съесть ни кусочка. Никакая реакция на еду не помогала.

— Всухомятку не пойдет, — сказал я. — Вот если бы граммов сто пятьдесят!

Здорово у меня это получилось. Помогло общение с Петькой Щукиным.

На ее лице появилось знакомое, вчерашнее, выражение.

— Хочешь выпить?

Я уже жалел о своих необдуманных словах, но дух противоречия не дал мне отступить. Тем более я понимал, что водку ей взять неоткуда.

— Еще бы! — сказал я. — Тогда бы твоим помидорам цены не было. — Я даже причмокнул. —

А так что — перевод добра. Спасибо! Сыт вот так!

— Погоди...

Она пристально смотрела на меня. Поколебавшись, потянулась за сумкой.

Интересно, что же она еще оттуда достанет?

Она протянула небольшой пузырек.

— На, возьми.

Пузырек был обычный, как для лекарства. В нем какая-то бесцветная жидкость. На этикетке было написано:

НАРУЖНОЕ
Спиритус вини ректификати
100 мл.

Что такое спиритус вини я знал. А 100 мл, наверное, означало сто граммов на латинском языке.

— Выпей, — сказала она. — Если ты уж без этого не можешь.

Она брезгливо поставила передо мной пластмассовый стаканчик.

Я с удовольствием выпил бы сейчас газировки с сиропом из автомата.

— Слушай, — сказал я. — Здесь написано «Наружное». Наверное, его пить нельзя.

— Почему нельзя? Это же самый чистый спирт. Медицинский. Просто внутрь его не прописывают.

Отец рассказывал, что на Дальнем Востоке, где он одно время работал, они пили спирт, разводя его соком консервированных ананасов.

Ананасов у нас не было.

— Развести нечем, — сказал я. — Вот досада!

И вернул пузырек.

— Погоди!

Она вскочила со стула, заметалась по кабине. Она хотела во что бы то ни стало найти для меня воду.

И нашла.

За дверцей на задней стенке кабины был шкафчик, где машинисты хранили продукты. В специальном гнезде стоял термос. Она взболтнула его.

— Там что-то есть!

Она отвинтила колпачок, вытащила пробку, пригнулась.

— Кажется, кофе... Точно! Холодный кофе, сладкий! Пойдет?

Мне деваться было некуда.

— Пойдет, — сказал я.

Мы налили себе кофе. Она в колпачок от термоса, а я в пластмассовый стаканчик. Я храбро плеснул туда немного спирта.

— Тебе налить? — спросил я.

Она колебалась, но любопытство пересилило.

— А это вкусно?

— Еще бы. Кофе с коньяком пробовала? То же самое.

Пару раз в кафе-мороженом я видел, как пьют кофе с коньяком.

Она поставила колпачок.

— Только немного. Довольно!

Она с опаской пригубила. Я следил за выражением ее лица.

— А знаешь, ничего! — сказала она.

Я задержал дыхание и залпом выпил свой стаканчик. Потом закусил сладкий кофе соленым помидором.

— Ну как?

— Ничего, — сказал я. — Слабовато только. Надо побольше спирта.

Я налил себе еще стаканчик кофе и добавил туда спирта из пузырька.

— А тебе плохо не будет? — поинтересовалась она.

Я покраснел.

— Ну ладно, — сказала она. — Давай за знакомство.

Мы чокнулись.

32

— Диспетчера Сортировочной! — надрывался Петька. — Срочно!

— В течение часа, — произнес бесстрастный голос на другом конце провода.

— Девушка! — взмолился Петька — Милая...

— Я не ваша милая, — оборвал голос, — а дежурная телефонистка. Линия занята, разговор могу предоставить в течение часа.

— Тут человек погибает! — заорал Петька. — Дайте вашего самого главного!

— Соединяю со старшей, — бесстрастно произнес голос.

В трубке что-то щелкнуло, и другой строгий голос проговорил:

— Старшая смены слушает!

У старшей смены Елены Сергеевны Селезневой весь день не выходило из головы, что ее Олечка сегодня первый раз пошел на работу в депо вече-

ром и она не смогла проводить его. Все последние дни она вставала рано, готовила завтрак и провожала сына так же, как много лет назад мужа. Тогда он был еще не ведущим инженером, а молодым помощником машиниста.

Какая-то смутная тревога не оставляла ее, и поэтому, когда юношеский голос сбивчиво стал объяснять, что ему необходимо срочно поговорить с диспетчером Сортировочной, Елена Сергеевна решила нарушить правила и дать разговор вне очереди.

— Хорошо, — сказала она. — Сейчас приму заказ. Вы как оплачивать будете? В кредит, по талону?

— У меня нет талона!

— Вы говорите с квартиры?

— Нет.

— Тогда предоставить разговор в кредит не могу, — вздохнула Селезнева.

— Какой кредит!.. Товарищ погибает!..

Парень на том конце провода чуть не плакал.

33

Начальник разъезда «38-й километр» зябко пожегся, прислушался.

— Не слышать еще...

Они стояли с дежурным у слабо освещенной фонарем железнодорожной стрелки. Ответвление от главного пути вело к тупику, возвышавшемуся над глубоким рвом.

Легкая дрожь прошла по рельсам. Вдали у поворота дороги показался слабый, колеблющийся свет.

34

— Тебя Олег зовут?

— Да.

— Хорошее имя. Олег, Олежка... А меня Люся. Ты тоже здесь зайцем?

Она разговаривала вполне нормально, и я осмелел.

— Зайчиха — это ты, — сказал я и отхлебнул из стаканчика. — А я потомственный почетный железнодорожник.

— Звучит. А точнее?

Неожиданно для себя я произнес:

— Техник, — и сам удивился.

— Техник?

Люся недоверчиво оглядела меня.

— Практикант, — на всякий случай добавил я.

— Вот как... Сколько же тебе лет?

И опять я, к собственному удивлению, произнес:

— Семнадцать. Скоро восемнадцать будет. Шестого июня.

— Ты хорошо сохранился!

Она тоже выпила свой колпачок. Щеки у нее порозовели.

— Это у нас наследственное, — сказал я. — У меня отцу никто сорока не дает. Тридцать

пять — не больше. Вот на меня его хромосомы и действуют. ДНК.

Люся усмехнулась.

— Коллективно читаете в обеденный перерыв журнал «Науку и жизнь»?

«Науку и жизнь» я не читал, а о хромосомах и ДНК слышал на лекции о наследственности в Доме санитарного просвещения.

— Читаем, — сказал я. — А как же! Ты разве не читаешь?

— Регулярно.

— Это заметно, — сказал я. — У тебя жизнь по науке. Полный набор жизненно необходимых предметов в болгарской сумке. Включая медицинский спирт.

Люся пожала плечами.

— Нечему удивляться. Я учусь в медицинском училище.

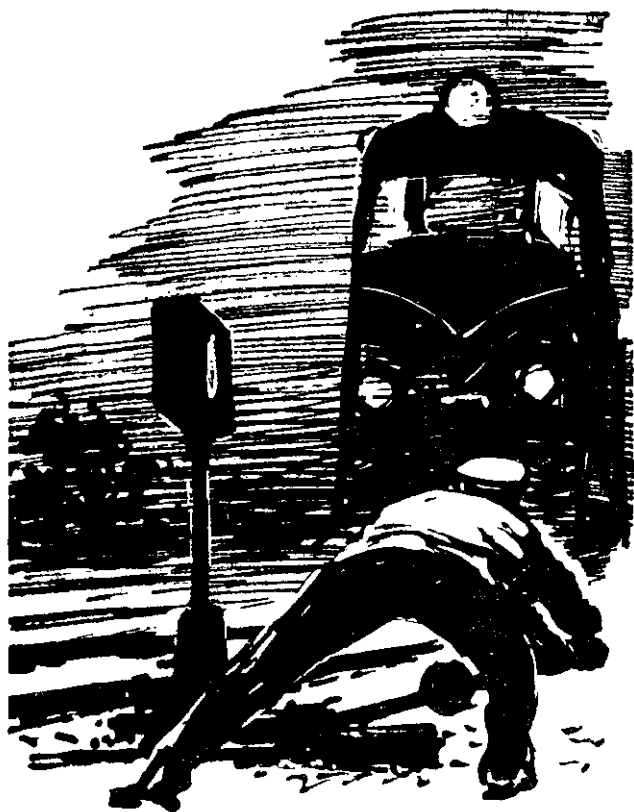
— Где?.. В нашем городе нет медицинского училища.

— Я не живу в вашем городе. Я была там всего один день, проездом.

— Да здравствует медицина! — сказал я. — Уважаю эту науку. Самая теплая наука на свете...

35

Неосвященный состав не был виден, и казалось, луч света, обращенный назад, сам по себе непостижимым образом стремительно приближается к разъезду.

Рельсы гудели вибрируя.

— Пора! — дежурный взялся за рукоятку стрелки. — Сейчас мигом в укрытие!

Начальник разъезда послушно кивнул. Глухо щелкнули переводимые стрелки.

— Беги!

Две темные фигуры метнулись от стрелки, перемахнули через пути и упали в глубокую канаву по другую сторону тупика.

Грохот мчащегося состава был уже совсем рядом.

— Стой! — раздался истошный крик. — Стой!
Отставить!!!

— Что такое? — поднял голову начальник разъезда.

От здания станции бежал кто-то, размахивая фонарем.

— Челове-ек та-ам!!

Начальник разъезда вздрогнул. Между ними и стрелкой лежал путь, по которому через мгновение промчатся тепловозы.

Он хотел вскочить, броситься к стрелке, но ноги его не послушались. Чувство, которое было сильнее его порыва, придавило тело к земле.

Он прижался лицом к густо политой мазутом щебенке. Сейчас раздастся грохот, и он заглушит слабый крик человека...

Даже на расстоянии он почувствовал жар поравнявшихся с ним тепловозов.

Но грохота не последовало. Шум состава постепенно стихал. Начальник разъезда осторожно поднял голову.

Он лежал один. Дежурного рядом не было.

Ничего не понимая, начальник разъезда встал. В полосе света у стрелки стоял дежурный.

— Ты!.. — голос начальника сорвался. — Жив?!

Дежурный не ответил. Он смотрел вслед сцепке.

— Видал? — спросил он.

— Слушай... — пробормотал начальник. — Я хотел...

— Двое их там, — перебил дежурный. — Парень и девушка... Руками машут...

За окном замелькали светофоры, фонари. Из темноты выскочило здание небольшой станции.

Плохо освещенный перрон был пуст. Только какой-то человек с фонарем бежал вдоль пути.

У железнодорожной стрелки стоял еще один человек. Он смотрел вслед сцепке.

Олег помахал ему рукой.

— Слушай, Люся, — сказал он. — Почему есть медсестры, а нет медбратьев? Я бы охотно стал медбратом!

— Перестань пить кофе, — сердито сказала девушка и забрала стаканчик. — Лучше придумай, как остановить эту машину! Слышишь, практикант?

— Остановим, — сказал Олег. — Не таких останавливали!

— Тогда что ты ждешь? Останови!

— В два счета...

В самом деле, чего ждать? Ведь какая-то из этих кнопок на щите должна останавливать локомотив. Только какая?

— В два счета... — повторил Олег.

И запнулся.

Он смотрел на панель. Прямо перед ним была кнопка и возле нее надпись: «Запуск 2-й секции».

— Что с тобой? — спросила Люся.

Он не ответил. У него просто сердце замерло. А голова сразу стала ясной. Он смотрел на кнопку на панели,

«ЗАПУСК 2-й СЕКЦИИ...»

Как же он не видел этого раньше? Ведь столько раз смотрел на щит. Смотрел и не видел!

— Почему ты молчишь? Тебе плохо?

— Закрой глаза, сказал Олег, — и считай до десяти!

— Это зачем?!

— Считай!

Голос у него был такой, что Люся послушалась

Она честно закрыла глаза и начала считать. Олег подождал, пока она сказала: «Десять!», и изо всех сил нажал кнопку.

Кнопка поддалась. Он осторожно отпустил ее и замер.

Но ничего не изменилось. Просто ничего не произошло.

На панели горели те же три лампочки: две красные, одна зеленая. Все было так же, как секунду назад.

— Можно? — спросила Люся.

— Что?

— Открыть глаза?

Она теперь доверяла ему.

Погоди.

37

Собственно, ждать было нечего.

Просто я боялся, что Люся сейчас увидит мое лицо и все поймет. Я не хотел, чтобы у нее исчезла надежда.

Не знаю, зачем я дернул соседнюю кнопку. Под ней стояла надпись: «Топливный насос». Это было бессмысленно.

Тепловозы мчались с прежней скоростью.

Отчаяние снова охватило меня. Мне хотелось кинуться на этот проклятый щит и разнести его вдребезги.

Если б тогда у меня под рукой было бы что-нибудь тяжелое!

— Олег! Что это?

Голос Люси показался мне странным.

Она сидела с закрытыми глазами, склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то,

— Ты слышишь?

Я ничего не слышал.

— Слышишь? — настойчиво повторила Люся.

И вдруг я понял, почему так странно звучал ее голос.

До сих пор мы все время говорили очень громко, почти кричали, чтобы перекрыть шум дизеля и грохот мчащегося состава, А сейчас Люся говорила негромко, нормальным голосом, и я ее отлично слышал.

В кабине стало тише!

Можно было позволить Люсе открыть глаза...

38

— Тише! — проговорил Олег.

Нет, они не ошиблись: двигатель за стеной стих.

— Ура! — закричал Олег. — Да открой глаза, чудачка!.. Понимаешь, я выключил двигатель!.. Понимаешь? Выключил!

Люся осмотрелась вокруг, поглядела в окно.

— Но мы же едем... И так же быстро, — рассудительно сказала она.

— Чепуха! — сказал Олег. — Это закон инерции! Физику знать надо!

Уверенность снова вернулась к нему. Он должен был срочно еще что-нибудь сделать.

— Погоди, я сейчас!

Олег вскочил.

— Куда ты?

— В первую кабину...

— Я с тобой!

— Нет, нет... Подожди здесь... Я быстро...

Олег открыл дверь в задней стенке кабины, ведущую в машинное отделение.

— Ни пуха ни пера! — крикнула вслед Люся.

Он прошел через затихшее машинное отделение. Теперь он шел уверенно. Даже не стукнулся ни разу.

В открытые люки врывался холодный ночной воздух. Первый раз Олег этих люков и не заметил. Он поднял голову и увидел кусочек звездного неба. Звезды дружески мигали ему.

«Кончится вся эта история, — подумал Олег, — и я попрошу принять меня в школу помощников машинистов. Меня обязательно теперь должны принять. И не надо мне тогда никакого техникума. Наплевать, что я Петьке обещал с ним туда поступать. С Петькой у меня теперь все кончено. Он трус и предатель. Бросил меня и сбежал — он же знал, что я первый раз на тепловозе. Встречу его, так пройду мимо и не поздороваюсь. Тоже мне друг детства».

Тепловоз сильно раскачивало. Но Олегу казалось, что сцепка идет уже медленней.

Он распахнул дверь и шагнул в следующую секцию. В уши сразу ударил оглушительный грохот двигателя.

Дизель работал. Работал, как прежде.

Значит, удалось выключить только один, последний. Все остальные с чуть меньшей силой несли состав вперед.

Олег остановился. Он даже хотел повернуть обратно. Но вспомнил, что его там ждет Люся, и стал пробираться к кабине.

Тут же больно ударился головой о какой-то выступ. Кажется, о тот же самый, что и в первый раз. На звезды он уже не смотрел.

В кабине на щите теперь горели только две красные лампочки. Зеленая погасла. Очевидно, она сигнализировала о работе дизеля последней секции.

Олег зажег свет внутри кабины. На щите была точно такая же кнопка с надписью «Топливный насос».

Он дернул ее. Через несколько мгновений дрожь корпуса стихла. Двигатель замер.

Но тепловозы по-прежнему мчались вперед.

Олег сел в кресло. Что еще он мог предпринять?

Впереди раскачивалась кабина следующей секции. Там работал двигатель. И в следующей, и в следующей...

Двигатели трех спаренных тепловозов. Чтобы отключить их, надо было нажать всего-навсего по кнопке на каждом контрольном щите.

Обтекаемое выпуклое стекло кабины третьего тепловоза было близко, всего в каких-нибудь полутора метрах. За ним сразу — щит с кнопками. Но попасть туда было невозможно. Кабины между собой не сообщались. На их закругленных бортах не было никаких выступов, перил, ограждений, по которым можно было бы перебраться с одного тепловоза на другой.

39

Я долго сидел в кресле. В темном стекле кабины идущего впереди тепловоза тускло отражалось мое лицо.

В тот момент я ни о чем не думал. Просто не котел идти назад. Там меня ждала Люся, и я не знал, что сказать ей.

40

Олег вошел в кабину.

Люся вздрогнула, вскинула голову. Она чуть не задремала в кресле.

— Всю ночь с Зинкой проболтала, — сказала она. — А накануне до вашей станции добиралась... Ну что? Выключил?

Олег кивнул.

— А что теперь?

— Надо подождать, — сказал он. — Немножко подождать.

И сел на откидное сиденье рядом с девушкой.

Когда он переходил из одной секции в другую, то снова почувствовал, что как будто тепловозы идут медленнее. Но, может быть, ему это только показалось?

Он решил пока ничего не говорить Люсе. У нее было очень усталое лицо.

— Ужасно спать хочется, — сказала она.

— А ты поспи.

— На этой вертушке не уснешь...

Кресла и правда были как живые, поворачива-

лись от малейшего движения. Очевидно, специально, чтобы машинист не заснул в пути.

Олег протянул руку и взялся за спинку ее кресла.

— Спи.

Люся слабо улыбнулась.

Он был бы рад, если бы она заснула. Сейчас надо было спокойно ждать. Ведь должен же встретиться на пути хоть один крутой подъем! А если тепловозы идут медленней...

Что-то коснулось его плеча. Вздрогнув, Люся отстранилась.

Олег не шевельнулся, будто ничего не заметил. Аккуратный пробор Люси опять начал клониться в его сторону. Черные волосы легли на плечо Олега.

Он пододвинулся, чтобы ей было удобней. И Люся не отняла голову. Глаза ее были прикрыты.

Осторожно, не вставая, Олег выключил свет в кабине, чтобы он не бил ей в лицо.

41

Голова Люси тяжело лежала на моем плече. Сквозь рубашку я чувствовал тепло ее щеки.

Мне вдруг стало трудно дышать, Я никогда еще не сидел так ни с одной девчонкой.

Нет, не то чтобы я не имел с ними дела. Наоборот, я ужасно влюбчивый.

Первый раз я влюбился, когда еще в школу не ходил. А потом уже серьезно в четвертом классе в Светку Коновалову.

Она была толстая, в очках и училась хуже всех в классе. Я в нее почти целый год был влюблен. Даже раз маме ее показал. Мама очень серьезно оглядела Светку. А потом сказала, что у меня ужасный вкус, ей просто стыдно за меня и так раскритиковала Светку, что у меня сразу вся любовь прошла.

Потом я уже не влюблялся до седьмого класса.

А в прошлом году у нас все ребята начали влюбляться и все в одну и ту же девчонку — Эллу Зарафьян.

Она здорово играла в баскетбол и ходила с длинной косой. С ней не то что мы, семиклассники, а и ребята из одиннадцатого класса на вечерах танцевали.

Честно говоря, из-за нее я и в «КВС» вступил. Это она все придумала и была единственной девчонкой в нашей компании. Только она, даже прогуливая, училась на одни пятерки. Ее портрет всегда вывешивали на школьной Доске почета. Больше двух недель он там никогда не висел. Кто-нибудь обязательно отклеивал.

Я тоже ее фотографию с доски отклеил. Она до сих пор у меня в столе лежит.

Мы даже целовались с Элкой один раз...

У меня от напряжения затекла рука. Мурашки по ней так и бегали, но я боялся пошевелиться.

Мне еще никогда не было так хорошо, как сейчас. Я даже объяснить не могу, почему мне было хорошо. Просто понимал, что могу просидеть так сколько угодно, хоть всю ночь, только бы Люся не

отняла своей головы от моего плеча. Даже дышал потихоньку, чтобы не потревожить ее.

Мне, наверное, тогда с Элкой надо было не целоваться, а сказать: «Сядь рядом и прижмись к моему плечу!»

Только точно знаю, что с Элкой все равно было бы так хорошо, хоть я и стащил ее карточку с Доски почета.

42

Олег вспомнил, как на весенние каникулы в прошлом году они всем классом ездили на экскурсию в Узловую. Чтобы сэкономить деньги, не па всех взяли билеты.

А перед Узловой вошел контролер, и Олегу пришлось прятаться. Он лежал на верхней полке за спиной Эллы Зарафьян и не шевелился, пока проверяли билеты.

Элкина кофта лезла в нос, и от нее пахло нафталином. Олегу ужасно захотелось чихнуть. Он зажал себе нос, но стало еще хуже, чуть не задохнулся.

Он уже совсем не мог дышать, но тут поезд заметно замедлил ход. Олег решил, что они уже подъезжают к станции, высунул голову и чихнул.

Контролеры переходили в соседнее купе, по один из них обернулся, чтобы сказать «Будьте здоровы!», и увидел его. Поднялся скандал.

Оказывается, они были еще далеко от станции. Вокзал стоял на горе, здесь начинался крутой подъем, и поэтому поезд замедлил свой ход,

Олег вспомнил крутую дугу рельсов, подымавшихся вверх над кварталами города, лежащими у подножия холма...

Он даже подскочил.

Подъем! Вот он, подъем, где состав замедлит ход. Надо только продержаться до него!..

Люся открыла глаза. Недоуменно посмотрела на Олега и отодвинулась. Поправила прическу. Не глядя на него, спросила:

— Долго я спала?

— Не очень.

Рука Олега просто одеревенела. Он уже и мурашек не чувствовал.

Люся потерла щеку, сердито сказала:

— Не мешало бы тебе иметь на плечах побольше мяса,

— Я постараюсь, — сказал Олег, незаметно растирая руку. — К следующему разу подкоплю.

— Нет уж! Следующий раз я поеду только по билету с плацкартой!.. Где мы?

Она спросила так, будто они ехали в нормальном поезде.

— Слушай, — сказал Олег. — Ты сможешь спрыгнуть на ходу?

— Опять?!

— Нет, я серьезно... Не сейчас. У самой Узловой будет подъем, понимаешь? Большой подъем. Состав там замедлит ход... Понимаешь?

В кабине был полумрак. Люсины глаза серьезно смотрели на него.

— Пора собирать вещи?

Нет, все-таки она была молодец!

— Можешь, — сказал Олег. — И не забудь болгарскую сумку. Там еще столько продуктов. Знаешь, пожалуй, я сойду с ней первый.

Люся засмеялась.

— Учти — мне надо быть в Узловой не позже двенадцати. — Она поднесла к глазам часы.

— Закроются аптеки?

Люся никак не могла разглядеть циферблат часов. Олег потянулся включить свет.

— Не надо, — остановила Люся, — Сколько на твоих?

У него на часах светились стрелки.

— Четверть одиннадцатого, — сказал он. — Не бойся. Там точно есть дежурная аптека.

Люся кивнула.

— Успеем, — сказал Олег.

«Успеем...»

Нет, сидеть и ждать сложа руки он больше не мог. Надо было попытаться еще что-то сделать.

Ну хорошо, двигатели последнего тепловоза он отключил. А остальные?

Олег понимал теперь, что, вероятно, все тепловозы управляются из самой первой кабины.

А вдруг есть какая-нибудь обратная связь? Может быть, можно сделать что-нибудь отсюда?

Олег посмотрел на контрольный щит. Надо бы попробовать по очереди нажать все рычаги и кнопки. Вдруг какая-нибудь сработает...

Двигатель был выключен, большой беды случиться уже не могло.

Но если начать экспериментировать на глазах

у Люси, она снова испугается. Нет, так нельзя. Надо это сделать в другой кабине.

Люся, пожившись, плотней запахнула плащ.

— Холодно?

В кабине действительно похолодало.

— Вот дурак! — воскликнул Олег.

— Что такое?

— Пиджак в первой кабине забыл взять! Придется снова идти... Вот дурная голова!

43

Пиджак валялся в углу кабины рядом с книжкой, которую читал Петька. Прошло чуть больше часа, как они поднялись сюда.

Вот она какой оказалась, первая вечерняя смена!

Олег надел пиджак. Зачем-то сунул в карман книжку.

Здесь в кресле час назад Петька сидел и читал, а он спрашивал его: «Ты что-нибудь соображаешь в этом?»

Олег сел в кресло машиниста. Поколебавшись мгновение, осторожно нажал одну кнопку, другую. Повернул какой-то рычажок. Ничего не случилось.

Осмелев, он стал нажимать все кнопки и рычажки подряд.

Вдруг кто-то тихо позвал:

— Олег...

Он вздрогнул. И снова негромкий мужской голос произнес:

— Селезнев...

Олег чуть не заорал. Но в кабине горел свет, и он был здесь один.

— Показалось, — подумал Олег. — Надо же...

Он снова взялся за рукоятку, на которой остановился. Повернул ее.

И сразу в кабине отчетливо зазвучал голос:

— «...Сцепка из трех тепловозов... Они должны нагнать тебя...»

У Олега даже дыхание перехватило. Это было радио! Говорили с ним.

К ним шли на помощь!

— «...Тепловозы подсоединятся к твоей сцепке...» — продолжал незнакомый голос.

Он говорил очень мягко, с небольшим акцентом, будто просто беседуя с Олегом.

— «...Если даже тепловозы не догонят тебя — вдруг так случится, — не отчаивайся. Тогда ты должен будешь спрыгнуть в начале подъема у Узловой. Слышишь, Олег? Обязательно в начале подъема!...»

— Хорошо! — крикнул Олег, забыв, что его не слышат. — Я так и хотел!

— «...Дальше будет крутой поворот. На такой скорости сцепка не удержится. Может быть крушение... Понимаешь? Ты должен спрыгнуть, когда начнется подъем...»

Голос вдруг оборвался.

Олег ничего не понимал, пока не увидел рукоятку включения радио в своей руке. Он так сжимал ее, что вырвал из гнезда. Наверное, она там еле держалась.

Олег стал лихорадочно прилаживать рукоятку обратно. У него ничего не получалось. Повернуть пальцами обломок штыря не удалось. Надо было спять щит и добраться до проводов. Этого сделать он не мог.

Олег стонал от досады, оборвал в кровь пальцы, по радио больше не говорило.

Наконец он сообразил, что с последней кабиной тоже должна быть радиосвязь. Он кинулся обратно.

— Что так долго? — сердито сказала Люся. — Я уже стала волноваться.

Олег бросился к пульту и повернул знакомую

рукоятку. Он крутил ее туда и сюда, но радио молчало.

Может быть, они уже перестали его вызывать. А возможно, передача была настроена только на радио передней кабины, где Олег был с Петькой,

«Значит, Петька цел, — мелькнуло у него в голове. — Добрался до станции. И сказал обо мне».

Люся дышала в затылок.

— Скажи, что случилось?

— Меня сейчас вызывали по радио!

— По радио?

Люся с тревогой смотрела на него.

— Да, со станции...

— Что же тебе сказали?

В ее голосе все еще было недоверие.

— За нами высылают тепловозы. Они должны догнать нас.

— Правда?! А еще что?

— Еще...

Олег хотел сказать о повороте и вовремя прикусил язык.

— В общем все.

Люся заглянула ему в глаза.

— Ты не врешь?

— Я никогда не вру... — сказал Олег и тут же вспомнил «практиканта». И зачем ему только это понадобилось?

Люся поверила, но тревога не покидала ее.

— Олег... А вдруг нас не нагонят?

— Нагонят!

— А вдруг?

— И тогда не отчаивайся... Будем прыгать на подъеме, как я говорил. Ничего не случится...

И тут я вспомнил.

Я не мог точно сообразить, когда и где это случилось. Только был я еще совсем маленький. Лет шести.

Мы ехали в поезде с папой и мамой. Не помню куда. Нас долго держали на какой-то станции. Час или два. Там скопилось очень много поездов. Говорили, что впереди крушение.

Папа куда-то уходил, потом вернулся и сказал, что точно, впереди крушение, столкнулись и сошли с рельсов составы.

Потом мы поехали. Наш поезд пропустили вперед, потому что он мог еще войти в расписание. Другие должны были двигаться за нами.

Я тогда ничего не понимал и радовался, что мы всех обогнали. Папа рассердился и велел мне немедленно ложиться спать.

Я не хотел спать, но он прикрикнул на меня и задернул шторы.

Взрослые ушли из купе.

Но мне не хотелось спать. И потом — почему меня днем уложили в постель? Я поднялся и отдернул штору.

Наш поезд медленно шел по высокой насыпи. А внизу...

Внизу на поляне лежал на боку паровоз. У него была погнутая, смятая труба. Рядом — разбитый вагон.

Возле паровоза и вагона сустились люди. Это было очень странно и страшно — большой, настоящий паровоз на боку, со смятой трубой.

Поезд шел медленно, я все смотрел на паровоз и не услышал, как в купе вернулись взрослые.

И тут папа меня ударил. Первый раз в жизни. Он никогда меня не бил. Мама — та и шлепала и подзатыльники давала. А он нет.

Никогда больше я не видел его таким. Он не мог мне простить, что я не послушался его.

И вот теперь я вспомнил и снова увидел этот паровоз со смятой трубой, лежащий под насыпью...

45

— Олег! Они обязательно нас нагонят?

Олег не ответил. Лишь прижался к стеклу_

Сцепка приближалась к станции.

На соседнем пути, закрывая перрон, стоял товарный состав. Он был очень длинный. Чуть ли не в километр. Поезд обрывался вагоном. Тепловозов не было.

Тепловозы появились через несколько секунд.

Длинная сцепка медленно шла по запасному пути.

Олег схватил Люсю за руку.

— Смотри!

Они поравнялись с первым тепловозом.

В кабине были люди. Двое или трое. Один, высунувшись в окно, что-то кричал, но ребята не слышали.

Через мгновение тепловозы уже были позади,

И тут же Олег и Люся увидели их снова.

Вернее, не сами тепловозы, а луч прожектора. Он шел за ними. Потом луч мигнул и погас.

Прожектор первой сцепки выхватил из темноты головной локомотив. Спереди у него была небольшая площадка, огибавшая корпус.

«Если бы такие площадки были у всех тепловозов!» — мелькнуло в голове Олега.

Прожектор заднего состава вновь замигал. Олег подумал, что, наверное, их свет слепит машинистов, и выключил его.

И тогда сзади сильно и ровно вспыхнул прожектор.

Ребята были не одни. К ним шли на помощь.

46

Люсины пальцы сжимали мою ладонь. Губы ее шевелились. Я не слышал, но понимал, что она шепчет.

— Скорей! Скорей! Милые, хорошие... Нажмите еще... Нажмите!

Люся все сильнее сжимала мою руку.

Тепловозы мчались за нами. Они были совсем недалеко.

Еще минута, другая, и они нас догонят. Тихо стукнувшись, соединятся составы. Машинист даст задний ход.

Люся отпустит мою ладонь, и кончится этот сумасшедший бег, эта необыкновенная ночь... Неужели кончится?!

Это был тот случай, когда становятся бесполезными инструкции, когда нарушаются все разумные ограничения, когда человек должен переступить предел, установленный ради его безопасности.

Догнать разогнавшуюся сцепку из четырех тепловозов почти невозможно, и тем не менее люди, бросившиеся в погоню, должны были пойти на все, чтобы сделать невозможное,

Этого требовала жизнь двух незнакомых им ребят.

А впереди лежал город.

И уже жизни десятков и сотен людей угрожали сбежавшие локомотивы. Жители города сейчас спокойно спали в домах, над которыми проходила крутая эстакада железной дороги. Они не знали об опасности.

Трое лучших машинистов, бросившихся в ночную погоню, сделали все, Все, что было возможно.

Но если человек, забыв о себе, может переступить любую черту ради спасения другого, то машина, к несчастью, имеет точно определенный конструкцией последний предел.

Свет не приближался. Олегу даже показалось — он начал отставать.

Не хотелось в это верить, но прожектор идущего за ними состава все больше отодвигался назад.

Это был уже не луч, а только яркое пятно света.

Потом пятнышко.

Наконец и оно исчезло за горизонтом...

Люсины пальцы отпустили его ладонь.

А у Олега перед глазами был паровоз под насыпью. Он лежал на боку со смятой трубой.

49

...Вот он, подъем! Высовываюсь в окно. Даже в темноте видно, как впереди насыпь дороги круто подымается вверх.

Тепловозы замедляют свой ход. Им не под силу взять подъем с разбегу. Люся придвигается ко мне.

— Не забудь сумку! — говорю я.

Она улыбается. Теснее прижимается ко мне.

— Не бойся, — говорю я.

— Я не боюсь...

— Ты сможешь прыгнуть?

— Смогу. Только ты первый. Мне тогда будет не так страшно.

— Ты не бойся и прыгай сразу за мной.

— Я прыгну сразу.

— Не бойся. Я поймаю тебя.

— Я не боюсь. Надо только, чтобы ты прыгнул.

Мы подымаемся все выше. Дорога идет над стоящими у подножия холма домами. В свете прожектора они белые, чистые, как на картине «В лунную ночь».

Я гашу прожектор и снова смотрю вперед. Там уже виден крутой поворот. Дальше медлить нельзя.

— Прыгай сразу за мной, — говорю я. — Вперед и немножко вбок!

Распахиваю дверь.

— Олег!

Люся бросается ко мне. Крепко обнимает.

— Если со мной что-нибудь случится,

— Ничего не случится!

Я целую ее.

— Пора!

Спускаюсь по ступенькам. Прежде чем прыгнуть, оборачиваюсь. Люся стоит наготове, держась за поручень. Она смотрит на меня. В глазах у нее какое-то совсем особенное выражение.

Я машу ей рукой и прыгаю вперед и немного вбок. Меня ударяет о щепень, я падаю, но тут же вскакиваю.

Люся уже на последней ступеньке подножки.

— Давай! — кричу я.

Люся отделяется от подножки. Со всех ног бросается к ней. Люся клубком катится к краю насыпи. Я поспеваю вовремя и удерживаю ее.

— Ушиблась?

— Нет, ничего...

Она очень испугана.

— Кости целы?

— Вроде да...

Она прижимается ко мне.

Мы смотрим на удаляющиеся тепловозы.

Они уже наверху возле поворота. Отсюда кажется, они идут совсем не так быстро. Темный состав четко виден на фоне неба.

Так в кино идут поезда, перед тем как их подорвут партизаны.

И вдруг...

Ровная линия состава надламывается. Тепловозы вздыбливаются — лезут друг на друга.

И вот уже первый из них летит вниз.

Мы с Люсей бежим вверх по насыпи. Люся что-то кричит.

А может быть, это кричу я?

Тепловозы один за другим летят вниз. Они катятся по высокой насыпи, по склону холма.

Один, второй, третий, четвертый...

А внизу в домах спят люди. Они спокойно лежат в постелях. Они не знают, что случится через секунду. Тепловозы все ближе, ближе.

Сейчас они врежутся в здания, сомнут стены, раздастся взрыв...

— А-а-а! — в отчаянии кричу я...

50

— Что с тобой? — спросила Люся.

Они по-прежнему стояли в последней кабине несущейся в ночи сцепки.

— Ничего.

— Ты вдруг дернулся...

— Нет, ничего.

Не может же Олег рассказать ей, о чем он думал сейчас. Он представил себе, как они спрыгнут с тепловозов. Зачем только он подумал об этом?

Люся все еще всматривалась в темный горизонт, на что-то надеясь.

— Они нас теперь не догонят?

— Наверное... нет.

Сейчас уже нельзя врать. Надо говорить только правду.

— Значит... будем прыгать?

— Придется. Да ты не бойся!

— Я не боюсь.

— Все будет в порядке...

Если все будет в порядке, они окажутся на насыпи и начнут ощупывать синяки. А тепловозы уйдут вперед, к повороту и...

Олегу не хотелось думать, что будет дальше.

Послышалось всхлипывание.

— Не реви! — сказал Олег.

— С чего это ты взял! — сердито ответила Люся и затихла.

51

А я все думал. Мне еще никогда в жизни не приходилось так думать.

До сих пор самый сложный вопрос, который я решал, был: «Идти сегодня в школу или не идти...»

А сейчас я должен был думать не только о себе. Я не мог не думать о Люсе.

И потом, не мог не думать о тех людях, что сейчас спали в постелях в Узловой, в домах, стоящих под насыпью.

«Брось, — говорил я себе. — Ну что ты. О чем тебе думать? Ведь тебе ясно сказали: «Прыгай! Прыгай во что бы то ни стало!» Ну, значит, и надо прыгать. И нечего тут раздумывать. Прыгай — и все! За тебя решили!»

Ну, а если бы я не услышал радио? Тогда бы точно прыгнул. Ведь мы все равно собирались прыгать.

Я же не обязан был знать о повороте. Откуда мне знать? Может быть, я никогда в жизни не был в Узловой...

И радио не слышал. Неизвестно, когда сломалось радио. Допустим, оно сломалось на секунду раньше? Вполне могло. И я бы не услышал про поворот. Ничего бы не знал.

Кто может сказать, что я слышал радио? Никто! Ведь я был там один. ОДИН! И никто никогда не узнает об этом. Никто не упрекнет.

Хорошо, что я ничего не сказал Люсе про поворот. Как будто чувствовал. Мы спокойно спрыгнем с ней. Ну, может, расшибемся, но останемся живы. Я все рассчитал, знаю, как спрыгнуть.

И все. Хватит об этом думать...

Но я не мог не думать.

Я никогда их не видел, но они все были передо мной, те, что спокойно спали сейчас в своих постелях.

Большие и маленькие Ребята вроде меня. Мама, похожие на мою маму. Девчонки, такие, как Люся, и такие красивые, как Элка Зарафьян. И совсем мелюзга, первоклашки, и те, что ходят еще в детский сад или даже совсем не ходят, а спят в колясках.

Они все были рядом со мной.

Но что я могу сделать, чтобы помочь им? Я же не могу остановить тепловозы.

Хорошо пионеру из «Родной речи», который предотвратил крушение. Увидел лопнувший рельс,

снял галстук и побежал навстречу поезду. И пожалуйста, уже герой!

Но я не могу добраться до передних тепловозов. Никак не могу. Они не сообщаются. Никаких дверей, перил, площадок. Не могу же я перескочить из одной закрытой кабины в другую.

Только если с крыши на крышу... Нечего и думать об этом! Тогда уж лучше прямо под колеса. С крыши на крышу при такой скорости, в темноте!..

Хватит, довольно травить себя, все равно ничего ты сделать не можешь. Сейчас начнется подъем, и мы с Люсей спрыгнем на землю. Спокойно спрыгнем.

И нечего думать о всякой ерунде. Ты не герой, не Матросов и не Брумель. Да еще посмотрел бы я, как Брумель прыгнул. Это не на стадионе в яму с опилками. Это совсем другое...

Ведь никто ничего не узнает. Никогда в жизни.

Только я буду знать. Тоже всю жизнь.

Всю жизнь буду носить это в себе. И буду помнить. Утром за чаем, днем на работе, вечером, ложась спать.

Ночью мне будут сниться летящие вниз тепловозы и дома под ними, белые, как на картине «В лунную ночь».

Разве я смогу жить, если всегда буду помнить об этом!

Через люк в машинном отделении можно добраться на крышу. Впереди семь секций. Нет, шесть, последняя не в счет. Значит, надо прыгнуть пять раз...

Я никогда не смогу этого сделать!

Я вернусь домой. Мама будет счастлива, что я уцелел. Потом приедет отец. Он посмотрит мне в глаза и все поймет. И придется рассказать...

Нет, не только потому, что ему трудно, невозможно врать. Не только...

Я знал, почему мне придется ему рассказать. Потому что сам он никогда бы не спрыгнул с поезда, если бы беда грозила другим людям. Он бы точно влез на крышу, чтобы добраться до первых тепловозов. Он бы не вспомнил даже, что у него раненая нога до сих пор болит в колене.

Его ранили в конце войны, летом сорок пятого. Он пошел на фронт добровольцем. Он был тогда чуть старше меня. Они ехали на Запад, но там война кончилась, и их повернули на Восток.

Отец освобождал Южный Сахалин. Он был стрелок-танкист. Это случилось, когда он вернулся к своему подбитому танку. Там остался командир. Командир приказал всем уходить. Сказал, что пойдет последним. Они не знали, что он тяжело ранен и не может уже выбраться. Но командир не хотел, чтобы из-за него погибли отец и водитель. Они вылезли из танка и побежали.

Отец обернулся и увидел, что командира нет. Он крикнул водителю, но тот не остановился и бежал все дальше. А отец вернулся. И тут его ранило.

Но он все-таки вытащил командира. Долго нес его на себе по полю. Командир умер у него на руках, но отец все-таки дотащил его до своих.

Потом он встретил в медсанбате водителя. И ударил его.

Водитель был старшина, а папа только младший

сержант. Его судили трибуналом и разжаловали в рядовые.

Но отец говорил, что если бы он еще встретил водителя, то все равно бы его ударил...

52

Три! Только три раза надо прыгнуть с одной крыши на другую. Ведь каждые две секции сообщаются между собой.

Теперь Олег знал, что прыгнет. Он не думал, чем это кончится. Он просто не мог поступить иначе.

Только надо было позаботиться о Люсе. Она не должна рисковать. Она спрыгнет, как только начнется подъем.

— Люся! — сказал Олег. — Не дрожи. Спрыгнем, как на парашюте!

Он явно перебрал в бодрости тона, и Люся тут же это почувствовала.

— Это еще вопрос, кто дрожит, — сказала она. — Может, глотнешь граммов пятьдесят для храбрости?

— Перебьемся, — сказал Олег, — Слушай: ты прыгнешь первой.

— Почему я?

— Так лучше. Да ты не бойся.

— Я сказала, что не боюсь!

У нее внутри просто все застыло от страха, но она больше всего боялась распустить себя.

— Тогда слушай меня...

— Смотри, что скажешь...

— Надо спуститься на последнюю ступеньку.

— Спасибо, за «цеу».

— Какое «цеу»?

— «Ценные указания». А то я уж думала из окна кидаться,

Люся отвечала сразу, не думая, пытаясь укрыться от страха за этими резкими ответами.

Но Олег не обращал внимания на ее слова. Главное, чтобы она прыгнула.

— Значит, договорились: ты прыгаешь первая...

— Это я уже слышала. — Люся повернулась к нему. — А почему все-таки я? Почему не ты?

— Я прыгну сразу за тобой. Тут же. Просто я должен быть уверен, что ты прыгнула.

— Какая забота о человеке!

— Люся! — сказал Олег. — Послушай... Это не так просто. Я один раз уже пробовал... И не смог!

— А теперь сможешь?

— Смогу.

— Значит, и я смогу! — отрезала она.

Но тут же извиняюще коснулась его руки.

— Хорошо, Олег! Я все сделаю, как надо... Когда?

— Скоро. Я тебе скажу. Как только начнется подъем.

Олег выключил наружный свет и спустился на подножку.

Взошла луна, стало немного светлее. Впереди отчетливо виднелись огни, раскинувшиеся по холму.

Это была Узловая.

Когда Олег поднялся в кабину, Люся возилась со своей сумкой.

Нет, трудно понять женщину! То подымут визг из-за мыши, то, когда действительно страшно, беспокоятся о какой-то ерунде.

Люся кончила колдовать над сумкой.

— Я готова!

Огни на холме приближались. Их стало больше.

Скоро должен был начаться подъем.

53

В домах зажглись огни.

Недовольные люди подымались на стук с постелей. Еще не стряхнув сон, они выслушивали короткие тревожные слова.

Люди невольно подымали головы и смотрели туда, где над их домами шла крутая дуга железнодорожного полотна.

Оттуда грозила опасность.

Никто не спал в этот час в кварталах города, лежащих близ железнодорожной эстакады.

С наспех собранными вещами, с детьми на руках выходили люди из квартир. Их уводили на соседние улицы, размещали в пустом здании школы.

Если сумасшедший состав сойдет с рельсов — здесь они будут в безопасности.

По ночным улицам шли вереницы людей.

Плакали разбуженные дети, сердито перебрасывались словами взрослые.

Тревожно выли сирены карет «Скорой помощи» и пожарных машин.

- Георгий, ты сошел с ума!
- Ошибаешься. Никогда в жизни я еще не был так разумен.
- Это бред.
- Это расчет. Понимаешь, я выхожу навстречу на легком тепловозе. Жду их у начала подъема.
- Они сомнут тебя!
- Зачем сомнут? Я тоже буду подыматься вверх. Почти с их скоростью. Понимаешь? Почти! Они нагонят меня. Я приму их на свой хвост.
- И сцепка сбросит тебя вниз.
- Никогда. Я смягчу удар.
- Ну хорошо, а потом?
- Потом переберусь на первый тепловоз. Любой ценой! Хоть прыгну с крыши. И остановлю этих взбесившихся чертей!
- Ты погибнешь, Георгий!
- А погибнут те двое? Погибнут люди? Тогда что?

55

— Пора! — сказал Олег и раскрыл дверь.
Все было почти так, как он представил себе.
Внизу под насыпью стояли дома. В окнах горели огни. Фары автомашин освещали темные улицы.
Люся шагнула вперед. Красно-синяя сумка была зажата в руке.
Сцепка шла вверх по подъему. Скорость сейчас казалась не такой большой.

— Быстрее! — сказал Олег.

Люся остановилась в дверях.

— А ты?

— Я за тобой!

Олег очень волновался за нее. Она должна была успеть прыгнуть.

Но Люся медлила. Она как будто сомневалась в чем-то.

— Ты сразу?

— Да, да! Быстрее!

Олег нервничал.

Состав подымался все выше, а ему надо было еще пройти в машинное отделение первой секции, подняться на крышу...

Люся спустилась по ступенькам.

— Давай! — подбодрил он.

Девушка снова остановилась. Нет, что-то мешало ей.

Она повернулась к Олегу.

— Ты что?

Она молчала. Ее огромные глаза в упор смотрели на него. Она пыталась понять, отыскать ответ.

— Прыгай! — закричал Олег.

Люся отвернулась. Сжалась на ступеньке.

— Ну!

Он легонько подтолкнул ее в плечо. Люся вдруг выпрямилась.

Одним движением поднялась в кабину.

— Что с тобой?

— Я не буду прыгать.

— Почему?!

— Я боюсь.

— Прыгай! — заорал Олег. — Прыгай! Слышишь?! Сейчас же!

— Я не буду прыгать, — негромко повторила Люся. — Я боюсь.

Олег не поверил. Нет, тут было что-то другое.

— Врешь!

— Пусть. Но я все равно не прыгну.

— Почему?

— Ты что-то задумал.

— Ничего я не задумал!

— Не кричи. Я же вижу. И я никуда не уйду, Я боюсь.

— Неправда!

Ее лицо было рядом. Он чувствовал ее дыхание, видел ее глаза.

— За тебя боюсь, — тихо сказала Люся. — Не понимаешь? Я не оставлю тебя.

Олег понял — она не уйдет. Ни за что.

— Хорошо! — сказал он. — Оставайся!.. Только дай слово!..

Люся кивнула.

— Если увидишь... Поймешь, что плохо... Понимаешь? Совсем плохо!.. Тогда прыгай! Сразу. Не жди меня... Слышишь?

— Я не глухая.

— Дай слово!

Люся еще раз кивнула.

Вот сейчас, пожалуй, она смотрела на него как-то по-особенному.

— Обязательно прыгай!

Больше оставаться здесь он не мог. Олег скинул пиджак и бросился к двери, ведущей в машинное отделение.

56

Добраться до люка, опираясь на выступы затихшей машины, было не трудно. Только очень сильно раскачивало тепловоз.

Когда голова Олега оказалась над крышей и он увидел подымающийся в гору состав — сцепка показалась ему бесконечной. Даже страшно было подумать, как он доберется до первой кабины.

Локомотив бросало из стороны в сторону.

Олег не влез на крышу, а вполз и распластался на ней, раскинув руки.

При одной мысли, что надо встать на этой пока-той металлической поверхности, нехорошо замирало сердце.

Но он должен был встать. И не только встать, но и пробежать по крыше и прыгнуть на следующую.

Олег поднялся на колени. В лицо ударил ураганный ветер.

Олег заставил себя встать во весь рост. Ветер просто валил с ног. Сердце стучало, как хороший двигатель.

Олег сделал шаг вперед. Второй. Третий.

Крыша следующего тепловоза была недалеко. Всего метрах в двух.

Он посмотрел вниз и зажмурился. Темный провал показался шириной с Черное море. Даже закружилась голова.

Сквозь грохот поезда слышалась сирена не то пожарной машины, не то «Скорой помощи».

Олег открыл глаза. Смотреть вниз он больше не рисковал.

Он отступил назад к самому краю секции. Прочитал до пяти, бросился вперед...

И не смог прыгнуть. Не хватило духа.

Снова отошел назад и, не раздумывая, разбежался. Оттолкнулся ногой, наверное, раньше чем надо, но прыгнул!..

Олег больно ударился коленями о крышу впереди идущего тепловоза и упал ничком.

Он лежал, прижавшись щекой к металлу, и чувствовал, как крыша содрогается под ударами работающего внутри двигателя.

У него не было сил встать. Он пополз вперед и добрался до ближайшего люка.

Спустился вниз и бросился назад — в кабину секции. Дернул знакомую кнопку на щите.

Когда он торопливо пробирался по машинному отделению обратно, двигатель уже затихал.

Потом он выключил двигатель в первой секции локомотива. Уже половина дизелей не работала.

Но сцепка по-прежнему шла вперед.

Через открытый люк Олег снова поднялся на крышу. Теперь он оказался как раз посередине состава. Два тепловоза были сзади и два впереди.

Состав находился уже в самом городе. Внизу справа и слева виднелись дома.

Надо было спешить.

Олег отметил место толчка. Теперь он знал: надо сделать пять шагов.

Он отошел назад, разбежался и прыгнул. Теперь уже с первого раза.

Ему даже удалось удержаться на ногах. В конце концов тепловозы разделяло всего каких-нибудь два метра. Просто надо было сделать хороший, большой шаг.

Олег пробежал по крыше и спустился вниз.

Спускаясь, он подумал, что, наверное, оба двигателя тепловоза соединены и их можно выключить сразу из первой кабины. Это сэкономит одну-две минуты.

Он прошел в первую кабину второго тепловоза и нажал кнопку «Запуск 2-й секции». Тут же погасла зеленая лампочка на щите, та — теперь он это знал, — что сообщала о работе второго двигателя. Потом он дернул кнопку справа.

Стук дизеля за стеной кабины тоже смолк. Значит, он выключил оба!

Окрыленный, Олег бросился назад, к люку, ведущему на крышу. Ему осталось сделать всего один прыжок, чтобы добраться до первого тепловоза и остановить этот проклятый состав.

Он быстро поднялся на крышу. Уверенно выпрямился.

В лицо ударил яркий свет. Светил прожектор. Он был впереди, на одной линии с ними.

Олег с ужасом подумал, что какой-то поезд идет навстречу. Он закричал, замахал руками.

Но если поезд шел навстречу, ничто уже не могло предупредить несчастья.

Прошло несколько томительных секунд. Прожектор по-прежнему бил в глаза, но ничего не слышалось.

Олег понял: поезд не шел навстречу. Наоборот, они догоняли его. Они шли по одному пути друг за другом.

Прожектор становился все ярче.

Олег рванулся вперед. Прожектор слепил его, но он должен был все равно добраться до первого локомотива, пока они не врезались впереди идущий состав.

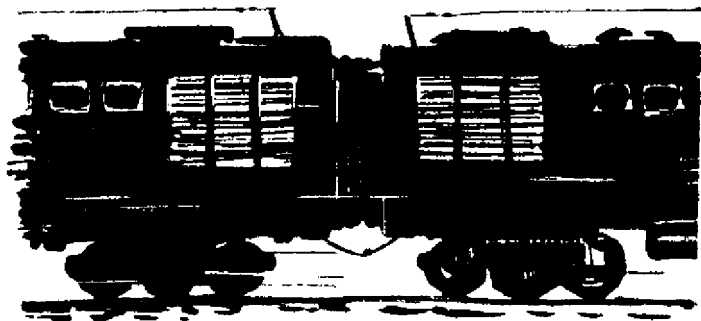
Он был уже у самого края, когда свет вдруг погас. Олег на миг ослеп.

И тут же его нога соскользнула вниз.

Он упал на спину и заскользил вниз по скату кабины, напрасно пытаясь зацепиться за что-нибудь руками. Под ногами была пустота.

Он неудержимо сползал вниз, в разрыв между тепловозами.

Каблук ботинка на мгновение зацепился за бортик окна и тут же соскользнул, Олег сдвинулся еще на несколько сантиметров.

Вдруг его рука уцепилась за что-то. Отчаянным усилием он перевернулся и ухватился другой рукой. Трудно понять, как ему удалось это сделать.

Он висел на фаре прожектора. Она спасла его.

Олег подтянулся на руках и выбрался обратно на крышу.

Впереди идущий состав был скрыт первым локомотивом.

Но Олег знал, что он рядом, его машинист сейчас тормозит перед поворотом и не подозревает, что они врежутся в хвост.

А может быть, он знает об опасности и набирает скорость, но уже не может оторваться от их сцепки...

Олег встал. Ноги подкашивались. Он должен был прыгнуть еще раз. Во что бы то ни стало.

Он шагнул вперед и, оттолкнувшись изо всех сил, перемахнул на крышу первого локомотива. За-

тем спустился в машинное отделение и прошел в кабину. Самую первую кабину состава. Она была пуста. Одна из дверей открыта настежь. Олег нажал кнопки, выключающие двигатели, потом посмотрел в окно.

Впереди шел состав. Они догоняли его. Там снова вспыхнул прожектор. Он ослепил Олега.

Тогда он включил свой. Теперь он неплохо разбирался в кнопках на щите. Прожектор впереди идущего состава тут же погас. Олег тоже погасил наружный свет.

Все двигатели были выключены. Но по инерции сцепка еще шла вперед. Больше он сделать ничего не мог. Ноги его не слушались.

А надо было еще соскочить с состава. Его беспокоила Люся. Догадается ли она спрыгнуть сейчас, когда тепловозы замедляют ход?

Олег опустил в кресло и на секунду закрыл глаза.

В кабине было тихо. Совсем тихо. Только хлопала незакрытая дверь.

Когда Олег открыл глаза, тепловоз впереди шел совсем близко. Он был другой конструкции, с площадкой перед кабиной.

На площадке стоял человек. Он махал рукой. Не тревожно, скорее приветственно.

Они постепенно сближались. Олег смотрел на человека на площадке. Тот широко улыбался и махал рукой.

Скорость заметно упала. Олег решил не прыгать.

Теперь они шли почти одной скоростью с первым тепловозом, может быть, только чуть быстрее.

Их разделяло всего несколько метров. Человек на площадке, склонившись, ждал, когда сцепка подойдет вплотную.

Толчок был не сильным. Лязгнули челюсти автосцепки.

Они оказались в одном составе.

Человек что-то крикнул, обернувшись назад. На этот раз сильно трянуло. Передний тепловоз дал задний ход.

Человек соскочил с площадки на землю и побежал к кабине Олега.

Олег распахнул дверь. Человек поднялся, нет, прыгнул в кабину. Он рванул какую-то рукоятку и сграбастал Олега в объятия.

— Бичо! Дорогой!..

От него пахло нефтью и табаком, так же, как от отца Олега.

Олег прижался к его промасленной куртке. Человек что-то громко говорил, мешая русские и грузинские слова, пытался заглянуть ему в лицо, но Олег только плотней прижимался к его куртке.

Сцепка последний раз вздрогнула и остановилась. Олег высвободился из объятий железнодорожника, незаметно вытер глаза и спрыгнул на землю.

От последнего локомотива навстречу бежала Люся.

— Олежка!

Она с разбегу налетела на него, повисла на шее. У него вдруг опять закружилась голова.

Люся плакала и смеялась сразу.

— Сумку забыла... — сказал Олег.

Люся засмеялась и вытерла слезы.

Последние километры до станции мы ехали на головном тепловозе. На нем было трое: два машиниста и огромный грузин, оказавшийся каким-то начальником из управления дороги. Нас хлопали по плечам, поздравляли.

Грузина звали Георгий. Я спросил, как его отчество, а он сказал: «Зачем тебе отчество? Зови просто Георгий!»

Мы узнали, что маневровому машинисту на Сортировочной вдруг стало плохо с сердцем. Инфаркт. Он потерял сознание. Падая, случайно ухватился за рукоятку контроллера и перевел состав на самый полный вперед. Толчком его выкинуло из кабины и дальше уже тепловозы шли сами, пока я их не остановил.

Георгий все рассказывал, как испугался, увидев меня на крыше локомотива. Он никак не мог понять, что я хочу делать.

— Ай, молодец! — восклицал он, — Ай, какой молодец, себя не пожалел!

Мне было неловко, но в то же время приятно. Меня еще никогда так не хвалили. Я только боялся увидеть знакомую усмешечку Люси. Она слушала серьезно, но все-таки при ней мне было неудобно.

— А как Петька? — спросил я.

— Какой Петька?

— Щукин... Ну, слесарь, что был со мной. Цел?

— А! Цел твой Петька. Живой, невредимый. Молодец, понимаешь, успел к телефону, не дал вас под откос пустить!

— Это кто же додумался нас под откос пускать? — сердито спросила Люся.

— Да тут, понимаешь, нашелся один горячий человек!

Георгий покосился на машинистов, и все трое засмеялись, как будто он сказал что-то необыкновенно смешное.

В кабине было тесно. Мы с Люсей вышли на площадку, огибающую локомотив.

Состав не торопясь шел по эстакаде. Впереди уже светились огни вокзала. А внизу, у наших ног, лежал широко раскинувшийся по склонам холма город.

Я стоял рядом с Люсей. Наши руки лежали на перилах. Я осторожно подвинул ладонь...

— Любуетесь? — произнес за нашей спиной Георгий.

Я отдернул руку.

— Хороший у нас город, красивый... Почти как Сухуми! Только моря нет. Зато река какая! Приезжайте, на рыбалку сходим. Обязательно приезжайте, дорогими гостями будете!

Люся спросила:

— Вы всех так приглашаете?

— Нет, только молодых и красивых!

— Тогда мы не подойдем, — сказала Люся.

— Ну, это мне лучше знать, девочка!

Георгий засмеялся, крепко стиснул нам плечи и ушел в кабину. Мы остались на площадке.

Наши руки все так же лежали на перилах совсем рядом. Я снова чуть подвинул свою ладонь, и наши пальцы соприкоснулись.

Я замер, но Люся своей руки не отняла.

Это было необыкновенно. Даже лучше, чем тогда, когда Люся дремала на моем плече. Она хотела спать, и ей было все равно, о чье плечо опереть голову, она просто устала. А сейчас Люся не могла не понять, что я нарочно подвинул свою руку, и она не отняла своей!

Я даже не мог представить, что мне когда-нибудь будет так хорошо, как сейчас. Ради этого стоило оказаться на сумасшедших тепловозах.

Неужели Люся чувствовала то же самое? По лицу ее ничего не было заметно. Она пристально смотрела вперед, туда, где все ближе подступали огни вокзала.

Но она же не отняла руки!..

58

Я думал, нас подвезут прямо к вокзалу, но сцепку отогнали далеко в сторону, на запасный путь.

Перрон мы увидели только издали. Там прогуливались пассажиры и, наверное, не подозревали, что произошло несколько минут назад всего в двух-трех километрах от вокзала.

На запасном пути нас ждали. Среди черных кителей железнодорожников мелькали белые халаты.

Георгий, не дожидаясь, пока сцепка остановится, соскочил на землю. Я хотел прыгнуть за ним, но он крикнул:

— Погоди! С ума сошел!

Как будто я не прыгал только что с крыши на крышу на полном ходу.

— Все целы? — спросил кто-то.

— Сейчас поглядим, дорогой! — ответил Георгий.

Сцепка остановилась. Георгий протянул руку Люсе. Она спустилась по ступенькам, придерживая красно-синюю сумку. Я сошел за ней.

К тепловозу подскочили санитары с носилками. Они почему-то обязательно хотели отнести нас в медпункт, и мы насилу отбились от них. Но в медпункт, правда, своими ногами, нам все-таки зайти пришлось.

Меня заставили раздеться, и врач смазал мне йодом царапины на ногах и животе. Я здорово ободрался, пока прыгал по крышам.

Потом меня отправили в душ. Вымылся я с удовольствием и даже замыл как мог на нейлоновой рубашке грязные пятна.

Рубашку надел прямо сырую, нейлон сохнет быстро, и гладить его не надо. Потом причесался перед зеркалом, надел пиджак. Выглядел я совсем не плохо, если не считать ссадины па лбу, которую заработал в самом начале пути.

Когда вышел из душевой, мне сказали, что надо идти к начальнику.

Люси в медпункте не было, спросить, где она, я постеснялся.

В кабинете начальника было много людей, и среди них Георгий, на этот раз в кителе с петлицами.

Люси тут тоже не было.

Меня снова хлопали по плечу, поздравляли, а самый главный начальник пожал мне руку и сказал, что мой героический поступок (он так и сказал) будет отмечен приказом по отделению дороги и ценным подарком.

Я очень жалел, что всего этого не слышала Люся.

Меня спросили, какой я хотел бы получить ценный подарок. Я не знал, что сказать. Вообще-то мне давно хотелось иметь транзистор «Спидолу». Я даже решил накопить на нее денег из зарплат. Но «Спидола» стоила 75 рублей, и было неудобно назвать такую дорогую вещь.

— Я знаю, что ему надо! — сказал Георгий. — Хороший спиннинг, верно, Олег?

Я никогда в жизни не ловил рыбу, но отказаться было невежливо, и я кивнул. Все почему-то рассмеялись, а начальник сказал, что ничего, как-нибудь подберут подарок без рекомендации Георгия.

Вдруг все замолчали и повернулись к двери. Я тоже посмотрел на дверь.

В кабинет вошла Люся. Георгий торопливо пододвинул ей стул.

Люся была совсем другая, даже не такая, как вчера, но опять высокая, с очень длинными, как у заграничной кинозвезды, глазами.

Все смотрели на нее, а я-то понимал, почему она такая. Просто передела туфли — теперь у нее на ногах были лодочки на высоченной шпильке, а глаза накрасила и ресницы тоже. Успела.

Начальник спросил, когда мы хотим вернуться обратно. Через полчаса будет скорый поезд в нашу сторону и нас могут отправить с ним.

Люся поблагодарила и сказала, что ей надо задержаться в городе.

— Может быть, вам нужна гостиница? — спросил начальник.

— Нет, спасибо, у меня здесь есть знакомые, — сказала Люся.

Раньше она мне о знакомых не говорила.

— А вы? — спросил меня начальник.

Я посмотрел на Люсю. Она внимательно разглядывала карту дороги на стене,

Я ответил, что поеду обратно, но если можно — немножко попозже. Мне хотелось проводить Люсю до аптеки. Начальник сказал, что можно и позже, но поезд тогда уже будет не скорый, а пассажирский. Ладно, пусть будет пассажирский.

Меня еще спросили, не хочу ли я отдохнуть до прихода поезда.

Я сказал, что лучше прогуляюсь по городу.

Тогда начальник предложил накормить нас ужином в вокзальном ресторане, но Люся отказалась и от ужина, объяснив, что торопится. Пришлось отказаться и мне.

Мы вышли из кабинета. В зале на скамейках дремали в ожидании поезда люди. Люся быстро шла, поминутно поглядывая на часы. Я едва поспевал за ней. Чувствовал, что она волнуется, и не мог понять почему, ведь все уже кончилось. Но потом решил, что из-за лекарства.

Я тронул ее за руку.

— Не волнуйся! — сказал я. — Все будет хорошо!

Люся странно посмотрела на меня и ничего не ответила.

Мы вышли на привокзальную площадь. Горели огни. Напротив еще было открыто летнее кафе. Столики стояли прямо на тротуаре. Оттуда доносилась музыка.

Я спросил у прохожего, где тут аптека. Он показал на улицу, по которой шли троллейбусы.

— Пойдем, — сказал я Люсе.

Но она не пошла. Она стояла на ступеньках и оглядывала площадь, как будто ждала чего-то. Она была сейчас высокая и очень красивая.

Я ничего не понимал. У вокзала стояли автоматы с газированной водой. Мне захотелось пить. Порывшись в карманах, я нашел несколько медяков.

— Хочешь газировки? — спросил я Люсю.

Она не ответила. Кажется, она даже не слышала, что я сказал. Она смотрела на площадь.

Я подошел к автомату и выпил стакан воды с мандариновым сиропом. Вода была холодная и вкусная. В нашем городке такой нет. Я решил выпить еще стакан с апельсиновым сиропом и бросил монету в соседний автомат.

Люся вдруг сбежала со ступенек. Автомат уже заурчал, и я не мог сразу пойти за ней. Люся бежала через площадь, чуть раскинув руки, не обращая внимания на резкие сигналы машин.

На той стороне площади возле кафе, из которого доносилась музыка, стоял высокий парень в черном свитере. Он смотрел на Люсю.

Люся увернулась от выскочившего из-за угла такси и вбежала на тротуар. Мне показалось — она хочет что-то спросить у парня в свитере.

Вдруг она вскинула руки и обняла парня. Они стояли на тротуаре. Им было все равно, что мимо идут люди и их может видеть вся площадь.

Я не знаю, сколько времени они целовались. Мне показалось, не меньше часа.

Потом Люся что-то сказала, и они посмотрели в мою сторону. Люся взяла парня под руку, и они пошли через площадь обратно к вокзалу. Проходивший троллейбус закрыл меня от них.

— Освобождай посуду! — произнес рядом со мной хриплый голос.

Я очнулся. Полный стакан газировки с сиропом стоял под краном автомата. Я выпил его и вошел в вокзал. Мне не хотелось знакомиться с этим парнем в свитере, и я спрятался в будке телефона-автомата.

Они искали меня в зале ожидания. Один раз прошли совсем рядом с будкой, в которой я стоял. Мне не было слышно, о чем они говорили, но я видел Люсино

лицо. Она смотрела на парня в свитере так, как я, наверное, смотрел на нее.

Парень взглянул на часы и что-то сказал Люсе. Она покачала головой и пошла в соседний зал.

Я выбрался из будки. Возле кабинета начальника встретил Георгия.

— А где Люся? — спросил он.

Наверное, у меня стало очень нехорошее лицо, потому что Георгий вдруг забеспокоился, как я себя чувствую.

Я сказал, что нормально, но хочу уехать обратно на скором.

Никогда раньше не думал, что обычный вопрос может причинить такую боль.

Георгий отвел меня к дежурному по вокзалу, и мне выписали литер, как настоящему железнодорожнику, в мягкий вагон.

59

До отправления скорого поезда оставалось две минуты, когда к мягкому вагону подошли двое: высокий, чуть грузный брюнет в форме железнодорожника и юноша в сером костюме.

Юноша протянул проводнику литер на имя Селезнева О. С. Литер был выписан до следующей станции.

— Головой отвечаешь! — сказал проводнику железнодорожник. — Героя везешь!

— Будет, Георгий... — пробормотал паренек.

— Зачем стесняешься, дорогой? Сегодня о тебе уже министр знает, а завтра, может, вся страна услышит!

Проводник посмотрел на пассажира. Паренек как паренек, лет шестнадцати, не больше. Модный костюм, нейлоновая сорочка. Ничего героического нет. Разве только свежая ссадина над бровью.

— Ну, Олег! — железнодорожник крепко обнял паренька. — Будь здоров, генацвале! Приезжай, всегда дорогим гостем будешь!

Поезд мягко тронулся.

— Попрошу подняться! — сказал проводник.

Неловко запнувшись, паренек вскочил на подножку.

— Аккуратней, молодой человек! — укоризненно произнес проводник. — Пройдите в вагон.

Юноша прошел в коридор. Он остановился у окна.

— В пятом купе нижнее место свободно, — сказал неслышно подошедший проводник. — Я сейчас постелю.

— Нет, нет... Не надо... Я здесь...

Глаза у паренька не то усталые, не то грустные,

— Как хотите, — согласился проводник. — Если что надо, кликните.

Он скрылся в служебном купе.

Юноша стоял у окна. Мимо проплывал пустой перрон.

Вдруг из здания вокзала выскочила девушка. Она огляделась по сторонам и бросилась за поездом.

На высоких каблуках-шпильках ей было трудно бежать.

Она поравнялась с мягким вагоном.

Паренек отодвинулся от окна раньше, чем она могла его заметить.

Девушка бежала рядом с вагоном, заглядывая в окна.

Поезд шел все быстрее.

— Олег! — отчаянно крикнула девушка. — Олечка!!

Она остановилась на самом краю платформы.

Подошел высокий парень в черном свитере. Он нес большую красно-синюю сумку.

За окном вагона было темно, но Олег угадывал места, которые он проезжал.

Вот здесь их пытались нагнать сцепка из трех тепловозов, а они стояли у окна и держали друг друга за руки...

А здесь она спала на его плече...

Когда поезд проезжал мимо разъезда, где их чуть не сбросили под откос, в коридор вышел толстый пассажир в полосатых пижамных штанах и сетке на пухлом теле. Он посмотрел в окно на плохо освещенный перрон и спросил:

— Это какая станция?

— Это разъезд, — сказал Олег.

— Н-да... — протянул пассажир. — Унылое местечко. — И, шаркая шлепанцами, пошел в дальний конец коридора.

Смотреть в окно расхотелось. Олег вспомнил о Петькиной книжке.

Там речь шла о каком-то корветен-капитане Эрихе Райтнере. Потом оказалось, что он совсем не Райтнер, а наш капитан-лейтенант Чеботарев...

Впереди засветились огни большой станции. Олег посмотрел на часы.

Сейчас в депо как раз кончалась вечерняя смена.

Едва поезд затормозил, как в вагон вскочили двое железнодорожников. Они бросились к Олегу.

— Селезнев?!

Они подхватили его под руки и повели к выходу, как будто он был тяжелобольной.

На перроне стояли работники станции. Среди них Олег увидел своего бригадира и других слесарей из депо. Петьки он не заметил.

Его снова начали расспрашивать, уговаривали пройти в медпункт.

Олег сказал, что очень устал и хочет домой. Тогда предложили отвезти его домой на машине.

Он отказался — не надо.

Ему хотелось пройтись. Почти два часа он просидел на откидном сиденье в коридоре вагона.

В конце концов Олегу удалось вырваться, пообещав, что придет завтра с утра и все расскажет.

Он уже выходил с перрона, когда увидел Петьку. Раньше его просто загораживали другие. Петька подошел, улыбаясь, и сказал:

— Пошли, Селезень! Шабаш.

Он стоял, улыбался, но глаза его бегали.

Олег сунул руку в карман и вынул книжку.

— В другой раз не забывай, — сказал он.

Олег ушел, а Петька так и остался с книжкой в руках на перроне.

62

Я не торопясь шел домой. На улицах было темно, тихо.

Всего несколько часов я не был здесь, но чувствовал себя так, будто вернулся после долгого отсутствия.

Как будто это был город, в котором я родился, вырос, а потом уехал и вот теперь вернулся спустя много, много лет.

Я вышел на свою улицу. Она круто спускалась вниз. Раньше, говорят, здесь были речушка и пруд. Потом речушка высохла, а пруд засыпали. Остался только крутой спуск, над которым стоял наш дом.

У нас в окнах было темно. Значит, мама еще не пришла с дежурства.

Не спеша, я шел по улице и смотрел на наш дом. Он всегда казался мне очень старым и неуклюжим. Гриб-переросток среди новых пятиэтажных кварталов.

Но сейчас свет луны падал так, что здания рядом были в тени, а наш дом — освещен. И вдруг я по-новому увидел его.

Увидел яркие желто-белые стены, свет в окнах между колоннами.

Услышал музыку и даже шелест листьев лип. У нас до сих пор растут две столетние липы во дворе.

Внизу с шумом бежала река.

А дом был выше всех. Он стоял на холме, над прудом, и был виден издалика отовсюду...

Может быть, в самом деле Пушкин читал в нем свои стихи у камина?

Дверь я открыл своим ключом. В квартире было тихо, только Зинаида Станиславовна на кухне у плиты наворачивала седые волосы на бигуди.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Откуда это ты в таком виде? — ахнула она

и с ужасом втянула воздух. — Боже мой, кажется... пьян?

Открывая дверь в комнату, я услышал глубокий вздох и возглас:

— Бедная Елена Сергеевна!

Я быстро постелил себе постель, разделся и лег. Все-таки я здорово устал.

За раскрытым окном послышался стук каблучков. Эти шаги я узнаю из тысячи, из десятка тысяч. Шаги мамы.

Я погасил свет.

По стенам и потолку изредка шарили фары проезжавших по улице автомашин, выхватывая из темноты склоненные лица атлантов.

Вошла мама.

— Олечка, — спросила она, — ты спишь?

Мне не хотелось притворяться, и я отозвался.

— Еще нет...

— Что там случилось у вас сегодня на станции?

— Не знаю, — сказал я.

— Разве ты не слышал?

— Нет.

— Как же! Ужасная история... — Мама села ко мне на тахту. — Что-то случилось с тепловозами, и они ушли без машиниста. А на них оказался какой-то человек... Неужели ты ничего не знаешь?

— Нет, — сказал я. — Откуда мне знать? Я всю смену из депо не выходил.

Мама погладила меня по голове.

— Хорошо, спи, Олечка!

Она поцеловала меня и вышла из комнаты. Наверное, пошла рассказывать Зинаиде Станиславовне, что случилось на железной дороге.

«Олежка... Хорошее имя...»

Свет луны упал на кудрявую голову атланта. Он бесменно нес свою тяжкую ношу. Атлант смотрел на меня. Так же, как всегда.

— Ну что, старик? — сказал я. — Знаю, тебе трудно... Но и мне сейчас нелегко. Видишь, я несу свою тяжесть, не жалеюсь... Неси и ты|

Леонтьев Алексей Николаевич

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК.

М. «МОЛОДАЯ ГВАР-

дия», 1965.

128 с., с илл. («Честь, отвага, мужество»)

Р2

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *О. Новозонова*

Художественный редактор *Г. Лозин*

Технический редактор *Л. Будова*

А15220, Подп. к печ. 3/ХП 1966 г. Бум, 70x108^{1/32}

Печ. л. 4(5,6). Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 100000 экз.

Заказ 2056. Цени 14 коп. Т. П.. 1966 г. № 221.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Е. Рябчиков,
Засада на черной тропе
А. Лукин,
Операция «ДАР»
Л. Самойлов, В. Гирин,
Выстрел в переулке
Ю. Тарский,
Испытание огнем
Г. Боровик,
Пылающий остров
И. Мызгин,
Со взведенным курком
В. Смирнов, Ю. Попков,
Трое суток рядом со смертью
В. Микоша,
С киноаппаратом в бою
С. Голяков,
В. Понизовский,
Рихард Зорге
Д. Морозов,
Бой без выстрелов
Петер Випп,
Совершенно секретно
Алексей Леонтьев,
Последняя радиограмма
Сергей Жемайтис,
Взрыв в океане
П. Александровский,
А. Егоров,
Партизан Фриц
Сергей Мартьянов,
Первые залпы
Виктор Смирнов,
Поединок в горах
М. Ребров, К. Телегин,
За опасной чертой
Леонид Токарев,
Сквозь огненное кольцо